

ИЛЬЯ ДМИТРИЕВ

СОКРОВИЩА МАДАМ НАТАЛИ

русско-французские фантазии с одним антрактом

Действующие лица:

МАДАМ НАТАЛИ — неприлично богатая дама

МАДЕМУАЗЕЛЬ НАДИН — её компаньонка

САН-САНЫЧ — просто слесарь

КЛАУС КОРОЛЕВСКИЙ — просто артист

ФЁДОР ОСТАПЫЧ РЫКОВ — просто уверенный в себе господин

Действие происходит в наши дни, в богатом парижском особняке.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Наши дни. Париж. Приёмная в роскошном особняке. Среди прочей обстановки — небольшой столик со всевозможными дорогими бутылками, фруктами, лёгкой закуской и посудой. Открывается массивная дверь — появляется Сан-Саныч — субъект уважаемого возраста, одетый во что-то новое, но довольно несуразное. В этих стенах он явно впервые. Сан-Саныч нерешительно оборачивается в сторону полузакрытой двери, в которую только что вошёл.

САН-САНЫЧ. Извиняюсь, а что мне тут...

Но дверь захлопывается перед его носом... Сан-Саныч боязливо оглядывается, делает несколько шагов вперёд. Огромные напольные часы начинают бить очень громко и зловеще — бедный мужик аж подпрыгивает и вскрикивает.

Ох, едрит твою налево, - сказала королева... Едрит твою вперёд, - ответил ей народ... В какую ж хрень я ввязался?! (Дёргает себя за ухо.) Вроде, не сплю. Ребят помню — Миша и Лёша... Коньяк помню. Хоро-о-оший коньячок... был! Мно-ого!.. Не-ет, ну Эйфелева башня точно была! Здорову-у-ущая такая!.. Не мог же я спутать Эйфелеву... с Останкинской! У них совсем разная... эта... конфига..., фигура... Тьфу, чёрт! Форма, в общем... Так я чё, в натуре, в Париже, блин?! Обстановочка-то — явно не частный сектор, не «хрущёвка» и даже не «брежневка». (Замечает столик с бутылками.) Куда б ни занесло, а во рту ни рюмки! (Подходит к столику, дрожащей рукой берёт бутылку, открывает, нюхает.) Не туфта!.. Ну-ка, врубим соображалку. Может ли такое быть, чтоб на родимой-то землице к бухлу был свободный доступ?.. Да ни в жисть!!.. А стало быть, что? Стало быть, Саня, ты... в Париже!

Неожиданно по селектору звучит женский голос.

2.

ГОЛОС. Пardon, Сан-Саньч. Возможен нюанс: а вдруг Вы действительно оказались в Париже, но... в дурдоме? Если в российских психушках с алкоголем напряжёнка, то, может быть, во французских с этим делом попроще, а?

САН-САНЫЧ. Матерь божья!.. (Мигом ставит бутылку на место.)

ГОЛОС. Нет, я не Богородица... Перестаньте трястись, всё не так плохо. Если хотите выпить, не стесняйтесь, только знайте, пожалуйста, меру.

САН-САНЫЧ. Мера-то — она у каждого своя.

ГОЛОС. Лишь бы Вы со своей мерой не набубенились!

САН-САНЫЧ. Ишь ты!.. Париж не Париж, а по-русски зарядила - «набубенились». То есть... почти по-русски.

ГОЛОС. Пожалуйста, останьтесь годны к употреблению!

САН-САНЫЧ. К какому-такому... употреблению?!

ГОЛОС. К беседе, к общению в приличном обществе.

САН-САНЫЧ. А я, вообще, где?

ГОЛОС. В столице Франции.

САН-САНЫЧ. По-честноку?!.. В самом Париже?!

ГОЛОС. Блестя-ящие географические познания!

САН-САНЫЧ. Врёшь, поди?

ГОЛОС. Нет надобности.

САН-САНЫЧ. Значит, правда!.. (Хватает бутылку, наливает, пьёт.)

ГОЛОС. Ну, ну!.. Будя, будя!

САН-САНЫЧ. А ты чё, видишь, что ль, меня?

ГОЛОС. И вполне чётко.

САН-САНЫЧ. Нравлюсь?

ГОЛОС. Пока не очень.

САН-САНЫЧ. Бывает, я и получше смотрюся.

ГОЛОС. Это обнадеживает.

САН-САНЫЧ. А уж когда был помоложе-то...

ГОЛОС. Охотно верю... Музыку пока включить?.. Эстраду? Классику?

САН-САНЫЧ. Да пошла ты... с музыкой своей..!

ГОЛОС. А может, повежливее?!

САН-САНЫЧ. А может, покажешься на глаза?.. Вмажем с тобой в два рыльца. Я ж не алкаш, чтоб в одну харю наливаться! Я просто... пьяница.

ГОЛОС. Терпение.

САН-САНЫЧ. Кого ждём-то?.. И какого хрена я здесь торчу?!

Открывается дверь, и появляется Клаус Королевский — молодцевато одетый господин тоже не первой свежести. Он здесь так же впервые.

КЛАУС. Бонжур!

САН-САНЫЧ. Чего?..

КЛАУС. А-а.. Вы русский?

САН-САНЫЧ. Белорус, вообще-то.

3.

КЛАУС. Надо же — какая экзотика! Французский белорус!.. Или белорусский француз?..

Белорус и француз — как прекрасен их союз! Вам нравится каламбур?
САН-САНЫЧ. Мне нравится... коньячок. Но с хорошим человеком и водяры хлопну.
Особенно если нахаляву... Мужик, а ты-то кто будешь?
КЛАУС. (С претензией.) Мы раньше общались, дружили?
САН-САНЫЧ. Да я тя впервые вижу!
КЛАУС. Аналогично... И с какой же стати Вы мне тыкаете?
САН-САНЫЧ. Бля-я-я — фон-барон!
КЛАУС. На «барона» не претендую. Однако, мне кажется, могу надеяться на интеллигентное обращение... Или я слишком навязчив?... Хорошо, сам сделаю первый шаг. Зовут меня Клаус Кириллович. Фамилия — Королевский.
САН-САНЫЧ. Ка-ак?
КЛАУС. Королевский.
САН-САНЫЧ. Вон чё, вон чё!.. Да-а, фон-барон — эт мелковато... Даже не царский, я прям... королевский! Чё, и на хрен ты послать нельзя?
КЛАУС. Слышь, фуфел... Чтоб меня на хрен посылать, у ты грызло должно быть не такое мелкое, как очко крысиное, усёк?..
САН-САНЫЧ. Вроде, усёк... Чё, обиделся?
КЛАУС. Могу попросить Вас представиться?
САН-САНЫЧ. Сан-Саныч я... Раньше просто Саньком звали, да теперь годы уж не те... Фамилию сказать?
КЛАУС. В принципе, не обязательно.
САН-САНЫЧ. Извиняюсь, я не запомнил твоё..., Ваше...
КЛАУС. Ка-Ка-Ка - Клаус Кириллович Королевский.
САН-САНЫЧ. Ка — Ка — Ка ?..
КЛАУС. Извольте — имя, отчество и фамилия — всё на одну букву.
САН-САНЫЧ. Ну, это «Ка-Ка-Ка» можно и по-другому уразуметь.
КЛАУС. Например, как же?
САН-САНЫЧ. Например,.. Какая Крупная Кака!..
КЛАУС. Отсутствие интеллекта Вам с лихвой восполняет наглость, но юмор налицо — уже не так негативно.
САН-САНЫЧ. «Отсутствие интеллекта»... Эт ты дураком меня обозвал?.. Ладно, проглочу — ещё не то глотал... Кириллыч, сразу говорю, я человек простой.
КЛАУС. Вижу. Играл таких.
САН-САНЫЧ. В каком смысле,.. играл?
КЛАУС. Может быть, расскажу попозже.
САН-САНЫЧ. Давай вмажем за знакомство! (Берёт бутылку, наполняет два фужера.) Тебе побольше, иль как?
КЛАУС. Символически.
САН-САНЫЧ. Во!.. Значит, до краёв! (Протягивает Клаусу полный фужер.)
КЛАУС. (Нехотя принимая выпивку.) Хоть Вы и явно... не парижского происхождения,..
САН-САНЫЧ. А Вы?
КЛАУС. Да я тоже... Но ощущается щедрость в руке.
САН-САНЫЧ. Кириллыч, будь здоров, бегай резво! (Смачно выпивает.) Зашиби-и-ись!
Второй уж день мне лафа с такими напитками! 4.
КЛАУС. Уважаете такие напитки?.. Вернее, их количество?
САН-САНЫЧ. Уважаю.
КЛАУС. А это видно, Александр Александрович.
САН-САНЫЧ. А тогда чё ж спрашиваешь, Заноза Кириллович?.. Со своим интеллигентством

нет, чтоб запросто опрокинуть с собеседником, закусить да улыбнуться... Обязательно подкол надо вернуть, да?.. Хотя, первый шаг сделал именно ты. С меня — второй... На ты перейдём?

КЛАУС. С меня не убудет. Но только от «брудершафта» - уволь.

САН-САНЫЧ. Чё эт вообще за фигня такая?.. Слово-т знакомое. А поточнее?

КЛАУС. Это когда двое выпивают, петлеобразно сцепив локти, а потом целуются.

САН-САНЫЧ. В губы?

КЛАУС. В них. Но можно и троекратно - «по-брежневски».

САН-САНЫЧ. Не-е... Перетопчемся, да?

КЛАУС. Ага. Обойдёмся.

САН-САНЫЧ. Но сюрприза-то я жду.

КЛАУС. Сюрприза?.. Какого?

САН-САНЫЧ. Обещанного.

КЛАУС. Вам обещали...

САН-САНЫЧ. Договорились же!

КЛАУС. Хорошо. Тебе обещали сюрприз?

САН-САНЫЧ. Причём, большой! Большой сюрприз!.. Если речь была о тебе, то ты... не сказать, чтоб сильно большой... Тут баба калякала по радио, но от такого сюрприза толку-то ноль.

ГОЛОС. Сан-Саныч, немного ожидания успокаивает душу и настраивает на позитив.

САН-САНЫЧ. Мож, кого и успокаивает, а меня раздражает!

ГОЛОС. Пусть так, и это во первых... Во вторых, бабы — это в России. А здесь — Франция.

САН-САНЫЧ. И чё, тут баб нету?!

КЛАУС. Здесь дамы.

ГОЛОС. Мерси.

САН-САНЫЧ. Вот ведь оно как... Ну, что срака, что задница — а всем ясно, что речь про жопу.

ГОЛОС. Здесь таких перл никогда не раздавалось...

САН-САНЫЧ. А ты, видать, стосковалась по ним?

ГОЛОС. Да не сказала бы.

КЛАУС. (Задрав голову.) Милая дама, я чувствую, Вы хорошо слышите нас... В Вашем голосе мне почудилось что-то...

САН-САНЫЧ. Интеллигентное, да?

КЛАУС. Общаться подобным образом не совсем удобно. Не составите ли Вы нам компанию?

ГОЛОС. Чуть позже. Всё только начинается. А пока пообщайтесь друг с другом.

САН-САНЫЧ. Да уж наобщались, разок вмазали. Можем продолжить... Видишь, Кириллыч, какая заморочка! Она остаётся это... инкобыто.

КЛАУС. Инкогнито.

5.

САН-САНЫЧ. Ты грамотный, тебе лучше знать... Не-е.., наши бабы — они как-то попроще.

Их можно увидеть, пощупать... А ко французским мадамам, видать, не подступишься.

КЛАУС. Иногда весьма важно... воображение!

САН-САНЫЧ. Как понять?

КЛАУС. Не видя человека, ты слышишь его голос... Воображение рисует определённые картины. А то, что мы воображаем, нам почти всегда нравится, верно? Этим и создаётся атмосфера некоторой загадочности, которая... (Натыкается на стеклянный взор Сан-Саныча.)
Проще, что ль?

САН-САНЫЧ. Если можно.

КЛАУС. Представь, что говоришь с дамой по телефону — вот и всё... У меня так было. Пока

слышал её голос в трубке, всё было в таких радужных красках... Я представлял лицо с тонкими чертами... А потом, когда встретились...

САН-САНЫЧ. У неё оказалось не лицо, а хайло, да?.. И лет на тридцать старше? Знакомое дело... Но щас я лично не заказывал никаких телефонных переговоров. А сотика у меня с собой нету — нешто, дома где валяется?

Сан-Саныч настроен ещё выпить, но Клаус энергично отбирает у него фужер.

КЛАУС. Послушай, Сан-Саныч!.. Здесь — элемент какой-то чертовщины...

САН-САНЫЧ. Ясный хрен... Без бутылки не разберёшься!

КЛАУС. Чтобы разобраться, нужны трезвые мозги. А если мы сейчас начнём расслабляться...

САН-САНЫЧ. Вот только диктовать мне не надо!.. Не люблю я этого. Ещё маманя с детства мне на мозг давила-давила... Потом... Ай, ладно. Вообще, ты дело говоришь, Кириллыч... Я выпить, конечно, люблю, но в случае чего приказать себе могу запросто... Саня! Ни капли в рот, ни сантиметра в ж..! Нельзя!! Фу, Саня!!

КЛАУС. Вот, умница. Мало ли, с какими слабостями и даже пороками мы живём... Умение владеть собой всегда достойно уважения...

САН-САНЫЧ. Видать, и ты не с крылышками?

КЛАУС. Такой же живой человек.

САН-САНЫЧ. Только вот... интеллигентный.

КЛАУС. Вернёмся к сюрпризу. Между прочим, мне тоже было кое-что обещано.

САН-САНЫЧ. И тебе?

КЛАУС. Да. И поверь, в этой ситуации я ориентируюсь не лучше тебя.

САН-САНЫЧ. А я — без ориентира наглухо!.. Оказался хрен знает в чём, хрен знает когда, хрен знает где... Со мной рядом хрен знает кто — прости, Кириллыч, без обиды. И с нами говорит хрен знает, какая мадамская баба, которую вообще не видно!.. Какие ж тут ориентиры-то?! Самого себя пока помню — на том и спасибочки.

КЛАУС. Ты упомянул свою матушку, а моя говорила так: от того, что ты, сыночек, нервничаешь, ничего не изменится. Абсолютно.

САН-САНЫЧ. Мудро.

КЛАУС. Так что, давай попробуем обойтись без трясушки... Расскажи-ка мне всё с самого начала. А потом я ничего не утаю. Только поподробнее. 6.

САН-САНЫЧ. А мне скрывать нечего... Значится, подруливают двое парнишек и сразу...

КЛАУС. Момент!.. Кто подруливает? Куда?

САН-САНЫЧ. Мишка и Лёшка их звать.

КЛАУС. Тоже русские?

САН-САНЫЧ. А ты видал Мишек и Лёшек... негров?!

КЛАУС. Лучше без сарказма — лишнее напряжение... Кроме того, нынче уже бывают Мишки да Лёшки и чёрные, и жёлтые, и синие...

САН-САНЫЧ. Ну, синие — эт алкаши, понятно.

КЛАУС. Вот именно — братья твои кровные!!..

САН-САНЫЧ. Я — без сарказма, ты — без оскорблений. Договорились?

КЛАУС. Идёт.

САН-САНЫЧ. Ну, знакомство моё с Мишкой и Лёшкой как-то само собой склеилось.

Выпили...

КЛАУС. Чайку?

САН-САНЫЧ. Как водится... На следующий день или через день они ко мне прям домой пришли — я им, видать, адрес назвал.

КЛАУС. Это стиль квартирных кидал... Если не секрет, какой у тебя адрес?

САН-САНЫЧ. Кинуть хошь?

КЛАУС. Боюсь, меня опередили.

САН-САНЫЧ. Николаевская, двадцать три, квартира три. Коммуналка у меня — шестнадцать метров.

КЛАУС. Так это что..., российский адрес?

САН-САНЫЧ. Вот так и хочется ляпнуть — никарагуанский, блин!.. Там улицы Николаевские — сплошь и рядом... Но мы ж договорились — без сарказма... Живу в нормальном ближнем подмосковье.

КЛАУС. Ты российский подданный?.. Без сарказма!

САН-САНЫЧ. Да, я российский подданный, причём безо всякого сарказма. А ты?

КЛАУС. И я... Но не будем нарушать порядок. Продолжай.

САН-САНЫЧ. На чём я?.. А-а, пришли они, парнишки-то, костюмчик мне принесли... Вот этот.

КЛАУС. Это... костюм?!

САН-САНЫЧ. А что — сарафан?!.. Без бухла я с тобой, Кириллыч, продержусь, но без сарказма, похоже, никак!

КЛАУС. Ну, дальше, дальше.

САН-САНЫЧ. Что-то мы опять выпивали... Коньяк! Хороший коньяк! Дорогущий!

КЛАУС. Понятно. Бутылка с этикеткой произвели на тебя впечатление. Что было внутри — это уж другой вопрос... А потом?

САН-САНЫЧ. Потом... Туман в башке... Самолёт помню — винты гудели.

КЛАУС. Неплохая последовательность: бутылка и сразу... самолёт. Что, ни тем разговора не помнишь, ни хотя бы как к самолёту тебя доставили, ни вообще, на хрен собачий тебе самолёт сдался?!

САН-САНЫЧ. А вот «на хрен собачий» с твоего язычка меня ахти как радует: своим в доску становишься, Кириллыч! Не сразу, конечно...

КЛАУС. Вернись уже в самолёт.

7.

САН-САНЫЧ. Самолёт... Стюардесса худю-ю-ющая, как из концлагеря...

КЛАУС. А ты был в концлагере?!

САН-САНЫЧ. Ты давай, не лезь в сарказм! Это моё, кровное!.. Короче, вдруг — Эйфелевка у меня прямо перед глазами!

КЛАУС. Что перед глазами?

САН-САНЫЧ. Эйфелевка. Эйфелева башня.

КЛАУС. Из иллюминатора самолёта ты увидел её?

САН-САНЫЧ. Да нет же!.. В натуральном виде возникла. Вот прямо как ты. Только она... крупнее.

КЛАУС. Да, немного.

САН-САНЫЧ. Какая-то машина блестящая... Миша с Лёшей — они всё время со мной были и сюрприз обещали. Большой, говорили, сюрприз будет.

КЛАУС. А когда он планируется, сюрпризец-то этот?..

САН-САНЫЧ. Хрен его знает...

КЛАУС. Хрен, хрен!.. Не жизнь, а сплошная хреновая закуска!.. Изжога не умучит?!

САН-САНЫЧ. Не, ну а чё я...

КЛАУС. Не, ну а действительно, чё ты?!.. С незнакомыми людьми наалкоголизировался в соплицу!..

САН-САНЫЧ. А с чего бы это вдруг ты мне...

КЛАУС. А с чего бы это вдруг... Нам духи менять на пук?!.. С какой-токой стати незнакомые

парни подошли-то к тебе?! С какого-такого перепугу они тебя поить начали?!.. Такие вопросы с самого начала не закрались тебе в башку?! Или уж до такой степени алкоголизм всё застил, что ты весь здравый смысл готов утопить в коньяке, пусть и качественном на вкус?!

САН-САНЫЧ. Да мне...

КЛАУС. Да мне, да мне... И весь в говне!

САН-САНЫЧ. Ты чё-т всё больше — стихами да стихами...

КЛАУС. А на поверку одна проза выходит... И, согласишься, опасная проза!.. Самолёт возник... Ты ж никуда путешествовать не собирался и в «С лёгким паром» не снимался... Дальше — ещё веселее — сама Эйфелева башня возникла из тумана! Появляюсь ниоткуда — исчезаю в никуда... Может, это ещё «цветики», а «ягодки» обнаружатся в виде пирамиды Хеопса?!

ГОЛОС. Королевский, «один-ноль» в Вашу пользу!

САН-САНЫЧ. А ты чего эт, Кириллыч, так разошёлся?.. Скоро, глядишь, дым от тя повалит.

КЛАУС. Опасаюсь!.. У тебя вон кучей — глупейшие поступки, в результате которых происходит... хрен знает что, а я с тобой рядом нахожусь и явно как-то увязан с этими событиями.

САН-САНЫЧ. Ну, ежели уж на то пошло, то я ведь не звал тебя к этому своему... хрен знает чему. Ты появился по своей воле. Мож, давай и уё..., уматывай туда..., хрен знает куда?

КЛАУС. Нет. Эдак мы ни до чего хорошего не доберёмся... Я вот о чём думаю: неужели теперь жертву квартирной аферы возят... из России за границу?! Или кидалы чокнулись, или мы с тобой, Сан-Саныч!

САН-САНЫЧ. Давай совсем по простому... Я... вот здесь. Вошёл через ту же 8. дверь, что и ты. Где я, Кириллыч, а?.. Где мы с тобой?! Нас чё, убьют?!..

ГОЛОС. Королевский, Вы услышали стопроцентную правду. Отвечайте взаимностью. Сегодняшний день должен пройти под эгидой правдолюбия.

По крайней мере, так задумано.

КЛАУС. Кем задумано?

САН-САНЫЧ. Да, в самом деле. Каким хреном?!

ГОЛОС. Не хреном, а теми, кто на данный момент куда как сильнее вас обоих.

КЛАУС. Мадам, похоже, у Вас над нами полный контроль?

ГОЛОС. Абсолютный.

КЛАУС. Нет, положительно, этот голос я уже где-то... Мы знакомы?

ГОЛОС. В мире много похожих голосов.

КЛАУС. Похожих лиц много, но голосов... Обертоны! Их очень сложно скрыть или подделать. И похожих запахов почти нет. Это уникально... Что ж, главное, остаться в здравом рассудке.

САН-САНЫЧ. Кириллыч, мож, вмажешь?.. Чуток не повредит.

КЛАУС. Отстань!.. И не мни алкоголь решением всех проблем! Это иллюзия.

ГОЛОС. Разумно.

КЛАУС. Господи, таких сюжетов у меня ещё не было — ни на сцене, ни, тем более, в жизни.

САН-САНЫЧ. На какой сцене?

КЛАУС. На театральной. Я артист российского периферийного драмтеатра.

САН-САНЫЧ. Российского!.. Слава богу, мы дома! Я с самого начала знал, что кто-то просто стебается над нами.

КЛАУС. Да нет же!.. В том-то и весь ужасный сюрприз, что мы... действительно в Париже!

САН-САНЫЧ. В самом деле?!

КЛАУС. Да. Лично у меня сомнений нет.

ГОЛОС. Ещё раз подчёркиваю: сегодня звучит правда и только правда!

САН-САНЫЧ. Кириллыч, мне чё-т... боязно. И противно. Аж пот прошиб. Даже пить расхотелось!.. Слышь, баба-мадама, кончай ваньку валять, поняла?! Мы уж не пацаны сопливые, чтоб в такие игры завязываться!.. Сейчас поищем выход отсюда. И найдём! Смоемся да обойдёмся без сюрпризов. Сама их жуй.

ГОЛОС. Смыться вряд ли получится.

САН-САНЫЧ. Ага!.. Всё заперто?!.. Тогда это называется похищением!.. Не знаю, как мой новый приятель, а лично я буду биться! До самого конца... Ну-ка, давай, выходи на свет божий да проясняй ситуацию.

ГОЛОС. В вашем случае глаголы повелительного наклонения неуместны.

КЛАУС. Милая дама, один вопрос позволите?

ГОЛОС. Вот это — пожалуйста.

КЛАУС. Как долго нам ещё пребывать в неведении?

ГОЛОС. Полагаю, не больше четверти часа.

КЛАУС. Хм... (Сан-Санычу, тихо.) Подождём?..

САН-САНЫЧ. Остохренело!.. Глядишь, могил своих дождёмся.

КЛАУС. Тогда попробуем действовать решительнее. (Направляется к двери, пытается открыть её, стучит.)

9.

ГОЛОС. Королевский, Ваши усилия бесполезны. Если и возможно взломать эту дверь, то уж не голыми руками. Она откроется в своё время.

КЛАУС. Через четверть часа?

ГОЛОС. Не позже.

САН-САНЫЧ. Честно?

ГОЛОС. Больше повторять не буду: сегодня все говорят правду, и я не исключение.

КЛАУС. Смею ли обнаглеть на последний вопрос за эти оставшиеся минуты?

ГОЛОС. Слушаю.

КЛАУС. То, что с нами сейчас происходит, это... опасно?

ГОЛОС. Для вас — ничуть.

САН-САНЫЧ. О, Кириллыч!.. С твоего последнего вопроса и надо было начать!

КЛАУС. Знаешь, как в Одессе говорят?.. Хорошо быть таким умным, как моя жена уже совсем потом!.. Но можешь немного успокоиться: для нас — не опасно.

САН-САНЫЧ. Стоп!.. А для других?.. Мадамка-невидимка, а для тебя-то это не опасно?

ГОЛОС. Кажется, последний вопрос уже был задан. И ответ на него получен.

САН-САНЫЧ. Французский немного знаю — пардон-пердуныч!.. Вопрос — последний аль ещё какой — задавал Кириллыч. Обо мне речь не шла... Так как насчёт тебя?

ГОЛОС. А это ни Вас, ни Кириллыча не касается.

САН-САНЫЧ. А кто-то обещал говорить правду!

ГОЛОС. А никакой лжи и не звучало. Отказ отвечать на вопрос неправдой не является.

САН-САНЫЧ. Тогда не вопрос, а... прямое требование!

ГОЛОС. Даже так?!

САН-САНЫЧ. По-другому — никак. Мне... надо!

ГОЛОС. Куда?

САН-САНЫЧ. На горшок!!

ГОЛОС. Сильно приспичило?

САН-САНЫЧ. Если договорились о правдивом дне, то врать не буду. Пока из ушей не плещется, но...

ГОЛОС. Стало быть, за пару минуток, штаны не намокнут.

САН-САНЫЧ. Эх, как ты любезна, мать..!

ГОЛОС. То ли ещё будет!.. Королевский, время Вашего монолога.

КЛАУС. Что ж, деваться некуда... Некуда...

САН-САНЫЧ. Кириллыч, вмажь, говорю, - легче станет.

КЛАУС. Да отвяжись ты с этим, етит твою..!!

САН-САНЫЧ. Ништяк!! Верю! Верю, что ты из России!.. Фу-ух, аж камень с души... Ну, как же теперь за такое дело не вмазать-то?!..

КЛАУС. Сан-ты мой-Саныч, бутылки здесь, рядом, и ножек у них нет, они никуда не убегут!

САН-САНЫЧ. Хоть закурить-то можно?

ГОЛОС. (Громоподобно.) НЕЛЬЗЯ-Я-Я !!!

САН-САНЫЧ. О-о-ой!..

10.

КЛАУС. Глас божий... Хорошо хоть я не курю, и с алкоголем проблем нет... Сан-Саныч, соберёмся с мыслями, ладно?

САН-САНЫЧ. Соберёмся.

КЛАУС. Насколько я понял, тебя привезли сюда если не насильно, то... в каком-то одурманенном состоянии, верно?

САН-САНЫЧ. Получается, так. Башка как не моя... И одёжка чужая!

КЛАУС. Не твой костюм?

САН-САНЫЧ. Зуб даю!.. С чужого плеча.

КЛАУС. Постой-ка... (Нюхает пиджак Сан-Саныча.) Да он вообще ни с чьего плеча. Новый! Пахнет совсем новой тканью... Материал хороший. Но изделие сшито явно не для тебя.

ГОЛОС. Да кошмар какой-то!

КЛАУС. Вот видишь — даме тоже не нравится... Но, принимая во внимание видимую безопасность, пока опустим проблемы с гардеробом... Итак, ты очутился здесь не по своей воле и не в своей одежде. Факт?

САН-САНЫЧ. Факт!

КЛАУС. Чего не скажешь обо мне. Я доброволец. Прибыл сюда по собственной воле, будучи заинтригован посулами не двух молодых людей, как в твоём случае, а двух девушек... Они назвались Машей и Дашей.

САН-САНЫЧ. Чё, эти... близнецы, что ль, сиамские?!

КЛАУС. Нет... Обычные девушки, очень милые, даже красивые. Пришли ко мне, назвались Марией и Дарьей. Сказали, что не где-нибудь, а именно в Париже я очень нужен каким-то моим старым знакомым.

САН-САНЫЧ. Кому именно?

КЛАУС. Не уточнили.

САН-САНЫЧ. Ха!.. И ты им поверил?

КЛАУС. Честное слово, до самого конца не верил... Но уже через пару дней был готов мой заграничный паспорт! Девушки на моих глазах завели мне... валютный счёт в банке!

САН-САНЫЧ. Приличный?

КЛАУС. На сто тысяч евро.

САН-САНЫЧ. Ни хренушеньки себе!..

ГОЛОС. Вот если бы все прозвучавшие «хреносодержащие» словечки наставить друг на друга, вы б уже... залезли на Луну!

САН-САНЫЧ. А девицы-красавицы не жадные попались!.. У них, нешто,.. акция была?

КЛАУС. Они пообещали, что счёт удвоится, если я соглашусь лететь с ними в Париж и благополучно вернуться.

САН-САНЫЧ. Если!.. Как такой оборотик называется-то?.. Не помню.

ГОЛОС. Сослагательное наклонение.

САН-САНЫЧ. Во-во!.. А если не вернёси?! С какой-такой стати две юные герлы подрулили

к старичку и не сказать, чтоб богатому?!.. Батя говорил мне: мол, Шурик, у всех девочек есть одно общее качество: они ни хрена не кормят, их самих кормить надобно... А тут... сто тыщ евриков — эт с какого-такого перепугу?!.. Ну, ладно, я хоть с пацанами наконьячился, а тебе твои девки, вроде, ничё не наливали. 11.

И как же в твою интеллигентную башку не закрались... смутные сомнения?!.. Не испугался?!.. Лишних вопросов не задавал?!

ГОЛОС. Сан-Саныч, «один-один»!.. А из Ваших уст, Королевский, прозвучала первая неправда. Не сто, а всего-то... десять тысяч евро. Не старайтесь казаться краше, чем Вы есть.

САН-САНЫЧ. Врухла ты интеллифушная!

КЛАУС. Да я и сказал — десять.

САН-САНЫЧ. Ты, может, и хотел сказать о десятке, но... подумал о сотне.

Вот она у тя с язычка-то и спорхнула!

КЛАУС. Вы оба, очевидно, заслушались... Это нонсенс.

САН-САНЫЧ. Чё?

КЛАУС. Мы в Париже! Нонсенс — недоразумение по-французски.

САН-САНЫЧ. С твоим «носесом» хоть десятка-то дома лежит?

КЛАУС. Лежит. Правда.

САН-САНЫЧ. Тоже неплохо... На безрыбье и сам «раком» встанешь.

КЛАУС. Дальше всё было сообразно твоему сценарию, только при моём ясном сознании.

САН-САНЫЧ. Я уж уразумел, что ты лучший во всём, и мне придётся смириться. Знаешь, смиряюсь без зависти.

КЛАУС. Я польщён... Тоже была блестящая машина, самолёт..., снова машина...

САНГ-САНЫЧ. А Эйфелевку видал?

КЛАУС. Во всём её великолепии!.. Обещали продолжение приятных неожиданностей.

САН-САНЫЧ. И ещё десять тыщ евро!.. Это разве приятная?.. Сногшибательная!!

КЛАУС. Это было оговорено изначально. Вот, я здесь.

САН-САНЫЧ. Ну и что нас объединяет?.. Мы оба здесь и оба не знаем, зачем. Кому ж мы тут спонадобились?! Причём, вдвоём.

КЛАУС. Не совсем. Если ты успел заметить, мы здесь изначально не вдвоём.

(Многозначительно поднимает глаза вверх.)

САН-САНЫЧ. Да-да...

КЛАУС. И наш третий компаньон чего-то ждёт.

САН-САНЫЧ. Или кого-то.

КЛАУС. Может быть, и так.

САН-САНЫЧ. И хочется знать: она с нами или... против нас?

КЛАУС. Спрашивать её об этом напрямую бесполезно — всё равно не ответит. Достаточно того, что эта правдолюбка пообещала нам безопасность.

САН-САНЫЧ. Думаешь, ей можно верить?

КЛАУС. Верь-не верь — ситуация не меняется... Тс-с-с!.. Звуки слышишь?

САН-САНЫЧ. Вроде как шаги.

КЛАУС. Если не считать бутылок на столике, у нас никакого оружия нету.

Злополучная дверь открывается, и появляется третий субъект — Фёдор Остапыч Рыков. Его появление экспансивно: беднягу... вталкивают! Он отчаянно сопротивляется, пыхтит, ругается. После недолгой борьбы Фёдор Остапыч оказывается в обществе двух наших героев, а дверь беспощадно захлопывается.

РЫКОВ. Парле?.. Франсе?..

12.

САН-САНЫЧ. Трепись нормально!

РЫКОВ. Русские!.. Это похищение?!.. Предупреждаю: я далеко не мальчик...

КЛАУС. Да и мы не девочки.

РЫКОВ. Годы берут своё, но... просто так не дамся!! (Быстро сориентировавшись, хватает за горлышки пару бутылок и держит их гранатоподобно.)

САН-САНЫЧ. Кириллыч, а ты чё хоть одну бутылку-ть не хватаешь?!

КЛАУС. А ты?!

САН-САНЫЧ. Ты ж сам про них говорил...

КЛАУС. Мне говорить никто не мешал. А тебе не мешают хватать. Хочешь — хватай.

САН-САНЫЧ. Хорошо, что крышки у бутылок завинчены — ничё не выльется.

КЛАУС. Как это много для нас меняет, правда?!

РЫКОВ. Ха! Так называемая, русская мафия?.. Что-то видок у вас не очень... Да и возраст!..

КЛАУС. Зато Вы прямо излучаете юность!

САН-САНЫЧ. Не говори... «Пионерчик» тот ещё! Видна советская закваска.

РЫКОВ. Если вы хотите много денег, то не выйдет — просто наживёте на свои задницы большего «геморрою»!.. Предлагаю так: пару «штук» я могу вам швырнуть, но не больше.

Считайте это моим подарком, а я сочту вас милым парижским приключением.

САН-САНЫЧ. Похоже, мы ещё ничего не просили...

КЛАУС. Похоже, он — ещё одна жертва.

САН-САНЫЧ. А чё, в Париже все говорят по-нашему?

КЛАУС. Сейчас не об этом думать надо.

САН-САНЫЧ. А о чём надо?

КЛАУС. О налаживании контакта.

САН-САНЫЧ. Ты умный. Ты лучше меня. Валяй, налаживай.

КЛАУС. (Рыкову.) Милостивый государь... Дело в том, что мы от Вас ничего не хотим.

Ровным счётом. Мало того, мы не имеем ну абсолютно никакого отношения к тому, что с Вами происходит. С нами самими творится то же самое. Честное слово!..

САН-САНЫЧ. Ты, милый, верь, верь!.. Мы тут все честно говорим: тайная мадама так повелевает!

КЛАУС. Если говорите о похищении, то мы все трое в одинаковых ролях.

РЫКОВ. Хотите сказать, вас тоже похитили? Не врёте?

САН-САНЫЧ. Режем правду-матку! Нас так баба учит.

РЫКОВ. Какая ещё баба?!

САН-САНЫЧ. А хрен её знает... Видать, хозяйка тутошная — маНдама! Вон — всё по радио трендит, а натуру не показывает: видать, на рожу стра-а-ашная!

ГОЛОС. Нахал!!

САН-САНЫЧ. О! Слышь — обнаружилась!

ГОЛОС. Какой же Вы хам, Сан-Саныч!.. Отстойный, шлаковый российский лох!.. И как только можно было с таким... иметь отношения?!

КЛАУС. Это что-то новенькое.

13.

САН-САНЫЧ. Ну, ежели чё-то про отношения запела, значит, она как все бабы...

КЛАУС. Странно... Она то молчала долго, то резюмировала короткими фразами. А тут вдруг эмоционально...

САН-САНЫЧ. Распечаталась!

РЫКОВ. (С сомнением ставя бутылки на столик.) Господа, давайте объяснимся.

САН-САНЫЧ. (Рыкову.) Мужик, вмажь — полегчает! Гляди — какое цивилизное бухло!

КЛАУС. Сан-Саныч!.. Да будет этому конец?!

САН-САНЫЧ. Молчу... Кириллыч, говори сам. Ты ж артист! А я... лох.

РЫКОВ. Что ж, представлюсь первым. Фёдор Остапыч Рыков. Глава российской нефтяной компании «Злата».

КЛАУС. О! Да... Рыков! Слышал. И по телевизору видел.

РЫКОВ. Рад.

ГОЛОС. Фёдор Остапыч, в традициях сегодняшнего дня — говорить правду. Вы уже полтора года, как никакой не глава. Глава теперь Ваш зять: недаром же он потащил под венец Вашу кривоногую, конопатую и не очень умную дочку... А Вам пора отдохнуть, что Вы и делаете.

САН-САНЫЧ. (Рыкову, подобоострастно.) От неё ничего не скроется! С понтом, Пресвятая Дева!.. Федь, говори уж правду, не дрейфь.

РЫКОВ. Всё это детали... В том числе и качество моей дочери. Как бы там ни было, фамилия Рыковых — одна из самых известных, даже знаменитых в России!

САН-САНЫЧ. Чё, круче Пугачёвой?

РЫКОВ. Я нахожусь в Париже как обычный турист... Ни с того ни с сего меня прямо на улице схватили, скрутили, впихнули в машину...

САН-САНЫЧ. А машинка-то блестящая, да? Чистенькая такая... Не Мишка с Лёшкой схапнули тебя?

РЫКОВ. Без понятия. Мне завязали глаза, и... вот, я наслаждаюсь вашим обществом.

КЛАУС. Сюрприз обещали?

РЫКОВ. Какой сюрприз?

САН-САНЫЧ. Большой! Мне-то большо-о-ой сюрприз посулили!.. Только вот, не знай, один на двоих аль с Кириллычем по сюрпризу на рыло... Мож, теперь и с тобой делиться заставят — кто ж знает?..

КЛАУС. Я — Клаус Кириллович.

САН-САНЫЧ. Ага, он лучше и смекалистее... А я уж так себе... Сан-Саныч.

КЛАУС. Фёдор Остапыч, а что же Ваши секьюрити?

РЫКОВ. Он один был, его нейтрализовали.

САН-САНЫЧ. Прямо пришибли?!

РЫКОВ. Нет, грамотно усыпили — хлороформом иль чем там ещё... И я не знаю, где теперь искать человека... Хочу услышать ваши истории попадания сюда. Начнём с главного — вы знаете, где мы?

КЛАУС. В общих чертах. Это Париж...

РЫКОВ. Не Антарктида — уже слава богу... Квартира? Офис? Дом?

КЛАУС. Как мне видится, дом. Большой и не бедный.

РЫКОВ. Похоже, орудуют по-крупному.

14.

КЛАУС. Мы тоже из России.

САН-САНЫЧ. Но нас прямо там захапали и сюда припёрли!

КЛАУС. Небольшое уточнение... Меня никто не хапал и никуда не пёр.

САН-САНЫЧ. Сам припёрся.

КЛАУС. Конечно, не так грубо, но суть верная... Моего, если позволите, коллегу по несчастью...

САН-САНЫЧ. По сюрпризным делам!

КЛАУС. Можно сказать и так... Его одурманили алкоголем и обманом посадили в самолёт. Он простой рабочий товарищ, и проделать с ним такое было несложно.

РЫКОВ. А Вы?

КЛАУС. А я.., я ведь уже назвал себя. Королевский, Клаус Кириллович.

САН-САНЫЧ. Ка-Ка-Ка!

КЛАУС. Служу на театре.

РЫКОВ. Клаус?.. Немецкие корни?

КЛАУС. В некотором роде.

ГОЛОС. От рождения он... Костя Кошкин. Это уж, поступив на сцену, придумал себе — Клаус Королевский — гибрид индюка с павлином!

САН-САНЫЧ. Ха-ха-ха!.. Ты, оказывается, дутая цаца, Костяша!.. Кириллович-то — настоящее отчество?

КЛАУС. Настоящее. Папу не обидел.

САН-САНЫЧ. Константин Кириллович Кошкин — а Ка-Ка-Ка-то сохраняется! Радуйся!

КЛАУС. Скачу от восторга!! (В адрес голоса.) Так, мадам, с Вашей стороны это уже слишком!! Видит бог, я долго терпел, но всякому терпению предел бывает!!

ГОЛОС. Потерпите. Пока у Вас нет альтернативы. Ещё совсем чуть-чуть осталось.

РЫКОВ. А я вообще терпеть не намерен: не той породы! Рыковы не из терпячих. Оружие и телефоны у вас, конечно, отобрали?.. Хотя, о чём это я...

КЛАУС. Вот именно, любезнейший. Какое у нас может быть оружие?

САН-САНЫЧ. (Рыкову.) Кунку-то смешишь, а она и так смешная!

КЛАУС. Я — периферийный артист, а он...

САН-САНЫЧ. Лох. Но вообще-то, слесарь. Говорят, работяга толковый. Старею, правда, глаза и руки уж не прежние.

РЫКОВ. Попробуем перейти к анализу... Итак, мы втроём. Возраст приблизительно одинаковый, но больше нас ничто не объединяет, кроме этого помещения. Раньше мы знакомы не были и пересекаться никак не могли, будучи «рыбками» из разных аквариумов... Кому-то мы понадобились в одном месте и в одно время. И если каждого из нас доставили сюда особым способом, значит, некто достаточно хорошо знал нас как людей: привычки, особенности и так далее...

САН-САНЫЧ. Кириллыч, прикинь: откуда парижской мадаме знать твоё настоящее имя?!

КЛАУС. Это постоянно крутится у меня в голове!.. И голос! Её голос...

РЫКОВ. Что же делать?.. Что нам делать?..

САН-САНЫЧ. Вмазать!

КЛАУС. Саня!.. Да выжри ты уже всю бутылку и отрубись!!

15.

РЫКОВ. (Взвесив.) А наливайте!

САН-САНЫЧ. Слав-те яйца, нормальный человек пожаловал!.. Выбор-то гляди какой — праздничный! И закуска имеется. Пора подкрепиться! (Суетится по поводу употребления и подкрепления.)

КЛАУС. Кто-то, помнится, в туалет просился...

САН-САНЫЧ. О-ой, у меня эт тема чё-т вообще из ума вылетела...

КЛАУС. Отсутствуют и тема, и ум... Это на нервной почве: организм мобилизовался.

САН-САНЫЧ. А вот спросить хочу тебя как артиста... Куда деваться, ежли, будучи на сцене, ты... в сортир захотел?

РЫКОВ. Ребята, уместно ли?!..

КЛАУС. Я отвечу. Уже отвечал на подобное... Сан-Саныч, на сцене артист не жив-человек, и ему не может захотеться в туалет. Там у него совсем по-другому функционирует мозг, живя сущностью роли — то есть, совсем иного существа... Однажды я пришёл на спектакль с дикой зубной болью и молился лишь о том, чтобы поскорее выйти на сцену: там же ничего не болит. И не болело. А чуть вышел в кулису — сразу ощутил боль.

САН-САНЫЧ. Выходит, полезно койки из больницы в театр перетаскать?

КЛАУС. Да нет же! Я совсем о другом...

РЫКОВ. И напрасно. Давайте-ка о наболевшем... Значит, слесаря популярно опоили?.. А с артистом — посложнее?

КЛАУС. Меня заморочили.

САН-САНЫЧ. И слегка подкупили.

КЛАУС. Завидуешь?

САН-САНЫЧ. Просто уже привык правду говорить.

КЛАУС. Мне сказали, что здесь меня ждёт какая-то встреча.

САН-САНЫЧ. (Рыкову.) Причём, меня парни обрабатывали на бухле, а его — девки на бабле... Получается, к каждому свой подход разработан!

РЫКОВ. Встреча — понятие более конкретное, нежели сюрприз. То есть, речь идёт не о чём-то материальном, а о человеческом факторе... Одному, значит, отвлечённый сюрприз пообещали, другого перспективой встречи заманили, а меня.., как мешок с картошкой, оприходовали...

САН-САНЫЧ. Как говорится, без лишних базаров.

РЫКОВ. Вообще безо всяких базаров! Молча!.. Да-а.., детективчик, достойный самой Агаты Кристи!

КЛАУС. Но у неё же всегда убийства... До этого, слава богу, не дошло.

САН-САНЫЧ. А ещё всё впереди!

КЛАУС. С тобой, Сан-Саныч, пообщаешься — и жить хочется!.. Со всеми.

РЫКОВ. Одного в толк не возьму: я, господа, человек состоятельный, и похищать меня есть какой-то смысл. Логично?

САН-САНЫЧ и КЛАУС. Логично!

РЫКОВ. А вот чем привлекли артист не первого эшелона и... слесарь?

САН-САНЫЧ. (Хватается за голову.) О-о-ой!.. Мать ты моя вся женщина!.. Я понял!

РЫКОВ. Что?

КЛАУС. Что ты понял?

16.

САН-САНЫЧ. Я всё понял! Всё!.. Мужики, нас раскроют... на органы!

КЛАУС. В каком смысле?

САН-САНЫЧ. В самом прямом. Печёнку — на восток, почки — на запад, сердечко — на север, жопу — на юг... Продадут наши внутренности, а трупы зароят, и сам чёрт их не найдёт! Короче, нам пи.., звездац!

РЫКОВ. (Переглядываясь с Клаусом.) Саня... Не хочу тебя обижать, но кому в заднице улыгнулись старые проспиртованные потроха?!

КЛАУС. И то правда... Не до такой же степени себе льстить!

РЫКОВ. Если взять на анализ твою кровь, там же чистый «Семьдесят второй» портвейн!

САН-САНЫЧ. Я коньячок пил. Что уж ты меня так прям... опускаешь? Лох, всё-таки, не бомж. И всяк товар ждёт свою покупателю.

РЫКОВ. Тогда придётся уж очень долго ждать... И при таком образе жизни чьи-то «запчасти» вскорости могут понадобиться тебе, а не твои — кому-то. В трансплантации органов ценятся юные и здоровые тела. А мы уже... «пескоструйные аппараты».

КЛАУС. Попрошу меня лично в стариканы не записывать. Артист возраста не имеет.

РЫКОВ. Я говорю о биологическом возрасте, а он в наших профессиях не разбирается.

КЛАУС. И тем не менее, я попрошу...

САН-САНЫЧ. Да кочумай ты, Кириллыч!..

КЛАУС. Не надо затыкать мне рот!.. Хватит того, что я многие десятилетия терпел это от своей матери!.. До сих пор терплю от режиссёров! Даже от коллег! Все и всегда затыкают мне рот!! А давайте-ка, я вас заткну?!!

РЫКОВ. Чувствуется, Вы, как и прежде, на сцене, Клаус? Голос чист и крепок.

КЛАУС. Я в приличной форме.

РЫКОВ. Это заметно. Но с нервишками у Вас, пардон...

КЛАУС. Хороших артистов со здоровыми нервами не бывает.

САН-САНЫЧ. А ты прям... хороший?

КЛАУС. Хвалят... Кто-то поимел свои миллионы на недрах планеты да на чужом поту, а я свои крохи — на собственных нервах да на глотке. Есть разница?! Но я счастлив, что отдал жизнь сцене!!.. Моя покойная преподавательница актёрского мастерства говорила нам, тогдашним студентам: «Кто хочет сытой жизни, тот зря сюда попал. Это надо в торговлю — там будут купюрки шелестеть, но ежедневно — одно и то же. Плюс страх оказаться за решёткой. А на актёрском поприще вас наверняка ожидает почти нищета и экономия монеток на буханку хлеба... Но эта профессия даёт очень интересную жизнь! Всякий день будет нести что-то новое!» (Голосу.) Ну, чего молчишь, судья ты наш высший?! Валяй, сообщи всем, что меня уже давненько не выпускают на сцену!.. Нищенской зарплаты пока не лишают, но ролей не дают. Даже малюсеньких... И назови хоть одну причину, почему бы мне не позариться на реальные десять тыщ евро!.. Из театра выживают постепенно. Корректно. Деликатно.

ГОЛОС. Мне не было это известно.

САН-САНЫЧ. Гляди-ка — бдит! Не отключается.

17.

ГОЛОС. Не дождётесь.

КЛАУС. Так значит, Вы, мадам, не вполне вездесущи? И у Вас имеются проколы?.. А хотя, зачем Вам сопли старого актёришки?.. И кому это вообще надо? (Совсем сник.)

САН-САНЫЧ. Кириллыч, ты чё, прорвало?.. Ну, братан, так нельзя раскисать... Все мы тут по-своему загоняемся, переживаем за свои шкурки, но поберечь-то себя никогда не мешает, пусть мы и старые. Знаешь, у меня в тумбочке есть набор открыток с видами... печей концлагеря. В том месте давно уж музей — вот и снято на открытки для туристов. Когда мне сильно хреново на душе, я достаю их, гляжу и вижу: люди пережили такое, что с моей хандрой не сравнить... Мне становится стыдно за свои нюни, и настроение улучшается прям мухой!

КЛАУС. Печи концлагеря?

САН-САНЫЧ. Ага.

КЛАУС. Спасибо.... Сразу опять таким оптимизмом повеяло!.. Жаль, что ты не выучился на психотерапевта.

РЫКОВ. Давайте, правда, не будем срыватьсь. Пока всё терпимо.

САН-САНЫЧ. Ещё бы! Есть вмазать, закусить!..

РЫКОВ. Держимся все вместе. Договорились?

КЛАУС. А иного и не дано.

РЫКОВ. Верно... Итак, что мы имеем в плане контакта со внешним миром?

ГОЛОС. Меня!.. И как же вас не посетила мысль, что я, может быть, тоже похищенная?

САН-САНЫЧ. Ты?!.. Похищенная?!.. А что ж ты тогда не вместе со всеми? Выходи — познакомимся. Вмажем, закусим.

ГОЛОС. А если я, например, не могу?

КЛАУС. Почему не можете?

ГОЛОС. Скажем,.. я обнажённая. Оставили без одежды и заперли.

КЛАУС. Надо же — повеяло какой-то сексуальностью...

САН-САНЫЧ. Дуростью повеяло!.. Голую бабу посадили под замок и дали ей в руки... микрофон?! Эт чё такое?!

РЫКОВ. Женщина, для похищенной Вы ведёте себя слишком уж по-хозяйски.

САН-САНЫЧ. И знает слишком уж до хрена.

КЛАУС. Почему же она до сих пор не показывается?.. Сколько можно ещё ждать?

ГОЛОС. Так хотите меня видеть?

РЫКОВ. Если честно, не отказались бы.

ГОЛОС. Кто ждёт, тот дождётся... Вы готовы?

САН-САНЫЧ. Как пионеры!

Дверь распаивается, и появляется мадемуазель Надин, чопорный вид которой может сравниться лишь с её элегантностью.

НАДИН. Бонжур! Здравствуйте, месье-господа-товарищи!

РЫКОВ. Свершилось!..

КЛАУС. Неужели мы дождались?!..

НАДИН. Просто вы умели ждать, как никто другой! 18.

САН-САНЫЧ. Узнаю голосок... (Разглядывает Надин.) Да не такая уж ты и страшная...

НАДИН. О, мерси! Даже в Париже не услышишь столь... изысканного комплимента!

КЛАУС. (Галантно подходит к Надин, подчёркнуто театрално целует ей руку.) Я тоже узнал Вас. Бонжур!

НАДИН. Узнали?!.. В самом деле?!

КЛАУС. Ваш голос — он неизменно помогал нам... Навязчивая интрига, конечно, раздражала, но интонации Вашего голоса не внушали опасений. Хочется верить, что впереди... добро?

НАДИН. От месье Рыкова приветствия, похоже, не дождусь?

РЫКОВ. Затруднительно приветствовать... насильников!

НАДИН. Это когда ж я Вас насилвала?!

РЫКОВ. Впрямую не Вы, но... Ваши подручные, так выражусь. Если хотите, здравствуйте.

НАДИН. Хочу. Здравствовать я намерена ещё долго... Ну, все в сборе. Пора!

САН-САНЫЧ. Чё, больно будет?

НАДИН. Это вне нашего сценария.

РЫКОВ. Значит, разработан сценарий?

НАДИН. Ну, если приглашаешь гостей...

РЫКОВ. Приглашаешь?!

НАДИН. Раз Вы настаиваете на глаголе «похищаешь», то пусть будет так... Но это мало что меняет... Итак, о физической боли речь не идёт. Что же касается боли душевной, то это дело... строго индивидуальное... Александр Александрович, Константин..., пардон, Клаус Кириллович, Фёдор Остапович! Меня зовут мадемуазель Надин. Не мадам.

САН-САНЫЧ. Эт девка, значит?.. Старова-а-ата...

КЛАУС. Заткнись!!

РЫКОВ. Беду накличешь!!

НАДИН. Слова достаточно хамские, но безобидные — ими не накличешь беду.

РЫКОВ. Вы тоже русская?

НАДИН. По-русски говорю достаточно сносно, не правда ли?.. А угадать происхождение не всегда получается...

КЛАУС. В любом случае, мы рады приветствовать хозяйку.

НАДИН. В этих стенах не я хозяйка. К хозяйке следует обращаться «мадам Натали». Или просто «мадам».

КЛАУС. Вот ведь как — ещё одна дама! Она появится?

САН-САНЫЧ. Ещё парочку б надо: нас же трое.

НАДИН. Человеческое одиночество видно сразу.

САН-САНЫЧ. Да не.., я не бабу хочу! То есть.., не в том самом смысле. А типа... просто пообщаться.

НАДИН. Вот именно, Сан-Саныч. У Вас очень тоскливые глаза. Очень... Мадам Натали вы увидите через минуту. Последнее предупреждение: попытки нарушить порядок и бежать

бесполезны. Дом превосходно охраняется.

РЫКОВ. Он большой?

НАДИН. Бывают гораздо больше... Здесь восемнадцать комнат, двадцать
один санузел... Уточнения продолжить? 19.

РЫКОВ. Пока достаточно.

НАДИН. Ещё вопросы?..

САН-САНЫЧ. А мы когда-нибудь выйдем отсюда?

НАДИН. Вы покинете эти стены тогда, когда это будет угодно мадам Натали.

Надин выходит на пару мгновений и возвращается, катя перед собой кресло на колёсах, в котором приютилась дама в чёрных очках — мадам Натали. Когда кресло останавливается, хозяйка пристально разглядывает каждого из мужчин.

НАТАЛИ. Бонжур, месье!

САН-САНЫЧ. (Клаусу.) Это она поздоровалась?

КЛАУС. Пока — да.

НАТАЛИ. Для Сан-Саныча — отдельное «здрасьте».

САН-САНЫЧ. А-а... И Вам попить-покушать... (Клаусу.) И она из наших — не Помпадур!

НАТАЛИ. (На своём сотовом телефоне нажимает кнопки и говорит по нему.)

Михаил! То, что у тебя проблемы со вкусом, я давно заметила. Но не до такой же степени, мальчик мой!.. Что это за тряпьё на Сан-Саныче?! Денег мне не жалко, но интересно: куда их сливают мои люди?.. И что я вижу?! В таком... наряде не в Париж летать, а драить вокзальные писсуары!!

САН-САНЫЧ. А мне ничё... под мышками не трёт.

НАТАЛИ. Алексей выбирал?.. Какая, в принципе, разница?.. Я вас обоих не поздравляю с таким выбором!! (Швыряет телефон.) О Фёдоре Остапыче такого не скажешь — одет с иголочки, как всегда...

НАДИН. Кошкин, не ревните. Вы тоже в порядке.

НАТАЛИ. Прежде всего, пора извиниться перед вами, господа.

РЫКОВ. Вот это уж ничуть не мешает.

НАТАЛИ. Получилось так, что только господин Королевский попал ко мне в дом по собственной воле...

РЫКОВ. А-а-а..., так значит, Вы, всё-таки, были в курсе, досточтимый артист?!

КЛАУС. Ничего я не ведал! Ничегошеньки... Просто поддался на авантюру — считайте моей слабостью. Откуда мне было знать, что будет задействовано столько людей?!

САН-САНЫЧ. Да на бабло ты поддался... Это ж общая слабость, не только твоя.

РЫКОВ. Вообще-то, за десять тыщ евро можно сгонять в места и похуже Парижа...

КЛАУС. Поклон за понимание... Две молодые дамы заинтриговали меня до предела. Почему я должен отказываться?.. Такие предложения поступают не каждый день.

НАДИН. Bravo!.. Это слова настоящего кавалера!

РЫКОВ. А я, значит, не настоящий?!.. Его пригласили, и он — хОп — как стрекоза, полетел в чужую страну за чужой счёт!.. А я, едва прибыл сюда на свои денежки, сразу столкнулся с тем, что меня — хАп!!.. И вот, я, «бутафорный», стою рядом с ним, «настоящим»... Причём, с другой стороны — ещё один - «супернастоящий»!

САН-САНЫЧ. Чё оскорбляешь-то?!..

РЫКОВ. Кто ж тебя оскорблял, Саня?.. Я тебе даже польстил. 20.

САН-САНЫЧ. Сначала обозвали лохом... Теперь подвинчивают гайку похитрее!.. Эт политика, что ль, такая?.. А к чему она приведёт?.. Между прочим, Рыков, господство твоё

тут не канают.. Здесь мы, получается, как в бане — все на ты и все равны.

РЫКОВ. Не-ет уж, это многим хотелось бы уравниваться с Рыковым, но получится далеко не у всех!.. Кесарю кесарево — слесарю слесарево.

САН-САНЫЧ. Ты, «кесарь», гляди, чтоб ты самого не закесарили!

РЫКОВ. (Буром прёт на Сан-Саныча.) Ну и кто меня «закесарит»?! Уж не ты ли, слесарь прошлогодний?!

САН-САНЫЧ. Не прошлогоднее тебя!

КЛАУС. Ребятки, давайте обойдёмся без..

САН-САНЫЧ. (Рыкову.) Видишь, артист не обзывается, говорит по-простому - «ребятки»! Он человек свой. А ты... чёртово семя! Буржуй! Кровопийца на теле России-матушки!!

РЫКОВ. Да я тебя щас.. !!

САН-САНЫЧ. Только с натуги не пукни!

РЫКОВ. Увидеть Париж и умереть?!.. Это как раз про тебя!!

Рыков, брызгая слюной, бросается на Сан-Саныча, Королевский посильно пытается помешать, но потасовка затягивается основательно. Бог знает, чем бы она закончилась, если бы не... ВЫСТРЕЛ! Опешившие мужчины оборачиваются и видят в руках мадам Натали... дымящийся револьвер!

САН-САНЫЧ. Кого замочили?!..

НАТАЛИ. Пока никого. Но остерегитесь: я де-е-еушка опытная, рука у меня набитая, верная!

РЫКОВ. А всё покруче, нежели я предполагал...

КОРОЛЕВСКИЙ. Да-да...

НАТАЛИ. То-то же!

НАДИН. (Спокойно глядя вверх.) Ещё одна дырка в потолке... Кажется, шестнадцатая.

САН-САНЫЧ. И часто она так палит?

НАДИН. Бывает... (Натали.) Мадам, уже ремонт нужен.

НАТАЛИ. Вот завтра и вызывай мастеров... С юности нахалам и драчунам спуску не давала! Не дам и теперь! В моём обществе, а тем более, в моём доме все ведут себя прилично!!

РЫКОВ. Полагаю, теперь и мне нужно извиниться...

НАТАЛИ. Самое время.

РЫКОВ. Но этот... Александр первый начал!

САН-САНЫЧ. Э-эх, уважение-ть какое!.. Полным именем провелечал!

КЛАУС. А не будет ли это тебе дорого стоить?

НАТАЛИ. Сан-Саныч просто говорил — мало ли кто что скажет?.. А с кулаками кинулся Рыков!

РЫКОВ. Хорошо, Рыков просто кинулся с кулаками... А Вы... людей похитили!! Ну и какое действие является более тяжким?!

САН-САНЫЧ. (Обалдело уставившись на Натали.) Наташа?.. Наташа... Воронцова???

НАТАЛИ. (Срывает с себя тёмные очки.) Узнал!.. А я уж думала, узнать
21.
невозможно.

САН-САНЫЧ. Это твоё «веди ся прилично» у меня всю жизнь..., всю жизнь в ушах звенит! Как ты меня одёргивала — чуть-чего - «веди ся прилично»!.. Эх и бесили меня эти слова!.. Натуля! Наташенька!!

НАТАЛИ. Ну, здравствуй, Саня!.. Это я, Воронцова Наташа. Точнее, то, что когда-то было ею... Я рада, что тобою узнана: ты ж здесь вовсе не для того, чтобы оставаться в неизвестности.

НАДИН. Шоу началось.

КЛАУС. Это только начало?!.. А я уж надеялся, что дело к концу близится...

РЫКОВ. Нет, артист. Пьеска долгая грядёт.

САН-САНЫЧ. Сколько прошло?

НАТАЛИ. Страшно сказать!.. Я сильно постарела?

САН-САНЫЧ. Ну-у... В меру. А я?

НАТАЛИ. Ты сильно. Пьёшь много, Шурик! Много и дешёвую гадость. Как только твоя печень справляется с этим?!.. У тебя хорошая жена... была. Дети отличные — сынок и дочка. Внуков уже двое. Ты отличный специалист в своём деле — бог определил тебя руками делать. Нет же — семьи лишился из-за своей алкогольной болезни, выкинули тебя из Москвы в область, и теперь сидишь в убогой коммуналке... Не обидно?

САН-САНЫЧ. Чё, вообще всё про меня знаешь?

НАТАЛИ. Всё основное. С моими теперешними возможностями это несложно.

КЛАУС. Извиняюсь... Деньги?

НАТАЛИ. Конечно.

РЫКОВ. Они решают все проблемы.

НАТАЛИ. Всё-таки, не все.

РЫКОВ. А назовёте хоть одну проблему, которую деньги не решают?

НАТАЛИ. И не одну... Время. Возраст. Зачастую — здоровье. Любовь. Дружба. Талант...

РЫКОВ. А-а!.. Залезли в эмоциональную сферу человека?

НАТАЛИ. Вот именно, что... ЧЕЛОВЕКА! Эта сфера отличает нас от животных, и деньги в ней бессильны.

САН-САНЫЧ. Ната, а ты тогда... действительно? Или пугала меня?.. Ежли не хошь, не отвечай, тем более, при всех...

НАТАЛИ. А это уже ничем не чревато... Отвечу. Во мне взаправду был твой ребёнок.

САН-САНЫЧ. Родила?!

НАТАЛИ. Нет. Не решилась рожать без мужской поддержки. Избавилась. Да так «лихо», что с материнством... простилась навеки.

САН-САНЫЧ. Ой, Наташа, я...

НАТАЛИ. Винишь себя?.. Ни к чему. Зла ты мне не желал и не делал. Просто испугался брюхатости сопливой советской комсомолки — это стиль безмозглого советского комсомольца.

САН-САНЫЧ. Валяй, Наташ!.. Нынче мой день! Я сегодня узнал о себе столько нового!.. (Рыкову,) Видишь, «кесарь», на что способен слесарь!..

КЛАУС. Сан-Саныч, вот ты сам подначиваешь человека, а потом это кончается агрессией. 22.

САН-САНЫЧ. Кириллыч, а тут очередь, похоже, до всех дойдёт. И до тебя в том числе...

НАДИН. Прозорливо!

САН-САНЫЧ. (Натали.) И пропала!.. Сбежала. Я уж тебя искал, искал...

НАТАЛИ. Искал? Правда?

САН-САНЫЧ. (Косясь на Надин.) Все уж усвоили: в твоём доме врать нельзя!

НАДИН. Да, а то хуже будет.

САН-САНЫЧ. Куда ж ты девалась, Наташенька?

НАТАЛИ. Некоторое время жила у тётки, в Ленинграде. Там каким-то чудом затесалась... в театр имени Кирова!

САН-САНЫЧ. Чё там забыла?.. Неужель артисткой стала?!

НАТАЛИ. Куда хватил — артисткой!.. Об этом я никогда и не мечтала... Одевальщицей. Поступила в костюмерный цех. Началась совсем другая жизнь. Боже, сколько было впечатлений!.. (Клаусу.) Это ж Вам, господин Королевский, не периферия!

КЛАУС. Где уж нам уж выйти замуж...

САН-САНЫЧ. Я уж так уж Вам уж дам уж...

КЛАУС. Ну и опыт!

САН-САНЫЧ. Комсомольский!

НАТАЛИ. Размах! Масштаб!.. Я вдруг решила, что влюбляться в одного конкретного человека — это... слишком примитивно, что ли...

САН-САНЫЧ. Захотела многих?

НАТАЛИ. Я влюбилась во всех артистов сразу! Особенно в балетных!.. Они с размазанным гримом на лицах, потные, часто вонючие... Зато у них такие красивые тела!.. Души — как у прочих — попадались и отвратительные... Я тогда решила, что не хочу никакого иного существования. Поклялась, дура, никогда не выходить замуж, не иметь детей и посвятить всю оставшуюся жизнь театру!.. Таких, как я, одурманенных фанатов, хватало в ту пору... Но всё это длилось недолго.

РЫКОВ. И кто же, мадам прервал Вашу любовь к артистам?

НАТАЛИ. Ты, Федя.

РЫКОВ. Узнала!.. Я-то тебя узнал почти сразу.

САН-САНЫЧ. Опоньки!.. Глист из попоньки!

КЛАУС. Да-а-а... Спектаклик не на часок...

НАТАЛИ. (Медленно подъезжает вплотную к Рыкову и демонстрирует перстень на пальце.)

Вот! Узнаёшь?.. Я его никогда не снимала,.. любимый!

РЫКОВ. Наташа... (Хватается за сердце.)

НАДИН. Ему плохо. Врача!

САН-САНЫЧ. (Кидается на подмогу.) «Кесарь», ты давай, того... Не шали!

НАТАЛИ. Я сейчас позвоню...

РЫКОВ. Не надо никаких врачей... Коньячку сообразите.

САН-САНЫЧ. О! Эт дело! (Бежит к столику, наливает в фужер коньяку и приносит Рыкову.)

А ты, Наташенька, видать, плотно прикалываешься по алкашам. Хрен на хрен сменяла — ток время потеряла?

РЫКОВ. (Пьёт.) Сейчас отпустит. Я себя знаю... Уже отпускает.

23.

САН-САНЫЧ. (Натали.) Ты сказала ему - «любимый»... Я эдакой чести не удостаивался.

НАТАЛИ. Я любила его.

САН-САНЫЧ. А меня?

НАТАЛИ. Санечка, мы были очень-очень юные, эмоции хлестали через край... Ошибок наделали.

САН-САНЫЧ. А как же... советская любовь с первого взгляда?

НАТАЛИ. Любовь с первого взгляда — понятие придуманное. Звучит, вроде, красиво, но в действительности, с первого взгляда может возникнуть только... влюблённость, а не любовь, ибо любовь — чувство оценочное. Сначала понравившийся объект нужно хорошо узнать, изучить, чтобы решить — достоин он любви или нет... Понравился человек — возникает влюблённость, которой потом суждено перейти либо в настоящую любовь, либо... в разочарование.

НАДИН. Влюблённость и любовь — это как напалечник и презерватив: оба-то из резины, а масштабы и функции разные.

КЛАУС. Популярнее не объяснишь... Брависсимо!

НАТАЛИ. И так случилось, что кроме Феи Рыкова я никого не любила.

РЫКОВ. (Сан-Санычу, торжествующе.) Слесарь, не корчи из себя «кесаря»!

САН-САНЫЧ. А чего ж ты с ней не ужился?.. Она ж, говорит, любила тебя!.. Сам не любил — вот и кинул девчонку?!

РЫКОВ. А ты не догадываешься, почему у нас с Наташей ничего не вышло?!

САН-САНЫЧ. А чего мне гадать-то?

РЫКОВ. А кто рученьку приложил?!.. Вернее, другой орган... Не по твоей ли милости, «активный» мой слесарь, у нас с девушкой не сложились отношения?! Это ты, скотина такая, погнал её на аборт!!

НАТАЛИ. Нет! Аборт — моё решение.

РЫКОВ. Но оно было принято, исходя из того, как на твою беременность отреагировала вот эта вонючка!!

САН-САНЫЧ. У-у... Моя коллекция всё пополняется!

РЫКОВ. Сегодня твой денёк, Саня! Готовь большой мешок!!

НАДИН. Наташа, секи поляну! Они снова сцепятся!

НАТАЛИ. Я не позволю!.. Если сейчас же не успокоитесь, буду стрелять! А выстрелить могу не только вверх!

САН-САНЫЧ. А вот не фиг было... бывших пихарей созывать. Не доживалось тебе свой век спокойно.

НАДИН. Фёдор Остапыч, кто-то должен быть благороднее. Надеемся, что это будете Вы.

НАТАЛИ. Об одном прошу: избавим друг друга от обвинений! К чему они на сегодняшний-то день?.. Мне пришлось пойти на различные ухищрения, изрядно потратиться, чтобы собрать вас всех вместе.

КЛАУС. Но мы же об этом не просили...

НАТАЛИ. Справедливо... Я лично никому не собираюсь ни за что мстить. Здоровье моё, как видите, не фонтан. Может быть, мне осталось жить совсем недолго...

САН-САНЫЧ. Эт ты так прощаешься, что ль?!

РЫКОВ. Да-а, оригина-а-ально!

24.

КЛАУС. Театрально!.. Даже кинематографично!

НАДИН. Мадам ещё медленно и печально поедет за всеми нашими гробами.

НАТАЛИ. Благодарю, Наденька. Ты всегда умеешь внести светлую нотку.

РЫКОВ. Если б не моя мама... Если б только не моя мама!

НАТАЛИ. Разве дело в маме, Феденька? Дело только в тебе. Любишь человека — будь по отношению к нему абсолютно честным, не правда ли? Ты признался мне в любви, позвал замуж... Я тоже любила тебя и купалась в своём счастье. Но не смела скрыть, что не могу рожать.

РЫКОВ. Лучше б скрыла.

НАТАЛИ. Это теперь легко говорить... А тогда я не могла позволить себе такую... фундаментальную ложь по отношению к человеку, которого любила... Ты узнал горькую правду и поделился ею со своей мамой. Она приняла меры — и конец был вполне логичным. Но колечко своё я сохранила! Час пришёл — повидала сапфиры, изумруды, бриллианты... А простенькая стекляшка дороже всего. Для меня это колечко... живое!

НАДИН. Мы все, хвала Господу, пока живые.

НАТАЛИ. Да, живые... Какая своевременная мысль... У живых людей имеются определённые потребности, не так ли?

НАДИН. Мадам что-нибудь угодно?

НАТАЛИ. Мадам угодно..., пардон, по-маленькому.

САН-САНЫЧ. Ё-ё-ё!!.. Мне уж давным-давно угодно!!

РЫКОВ. Какая солидарность!

САН-САНЫЧ. Кому не угодно — того силком к унитазу не ташат.

НАДИН. Сочтём солидарность... крупинкой Советского Союза.

НАТАЛИ. Думаю, четверти часа всем хватит?.. Охрана покажет вам — что, где и как...

КЛАУС. Зрелище просто умилительное! Мелодраматические ныряния в былое. Сценарий для престижного режиссёра и звёзд!.. А я здесь кто? Зритель? Артист, вообще-то, привык быть на сцене.

НАТАЛИ. Месье Королевский, кто же может лишить Вас призвания?.. Ваше сердце ещё ничего не подсказало Вам?

КЛАУС, А что оно должно подсказать, мадам?

САН-САНЫЧ. Кириллыч, здесь нет чистеньких. У тебя, похоже, тоже... попка с шарушками...

НАТАЛИ. (Клаусу.) Вероятно, ещё не пришло Ваше время... Ничего страшного, не нужно спешить.

РЫКОВ. Вообрази, Наташенька!.. А кому-то в этой жизни, допустим, есть куда спешить!! Работа, семья, дети!..

НАТАЛИ. Не следует торопить своё сердце. Оно имеет право на разумную выдержку и... тщательный анализ. Надин!

НАДИН. Я всегда рядом, мадам.

НАТАЛИ. Трогай!

НАДИН. Мы уже в пути. (Направляет кресло с Натали к выходу.)

НАТАЛИ. Стоп! Важная деталь... (Мужчинам.) Один из вас останется здесь.

САН-САНЫЧ. Как заложник?!.. Что, и посс..., пи-пи нельзя?! 25.

НАТАЛИ. Один из вас останется здесь . . . Н А В С Е Г Д А.

ВСЕ МУЖЧИНЫ. Кто?!

НАДИН. (Сердито.) Имейте уважение к мочевым пузырям! (Увозит Натали.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Обстановка та же. В дверь, которая теперь не блокируется, заходит удручённый Рыков. Он присаживается и тупо смотрит в пол. Немного погодя появляется гораздо более жизнерадостный Сан-Саныч: на нём... презентабельный костюм! Разница ощущается сразу же. Слесарь заботливо прихорашивается, а мрачный вид «кесаря» явно дисгармонирует с настроением первого.

САН-САНЫЧ. Ну чё, так и будем друг над другом трунить - кесариться да слесариться?

РЫКОВ. А ты, Саня, гляжу я, счастливый человек! Можно позавидовать — как мало тебе надо в этой жизни...

САН-САНЫЧ. Я ни на чё лишнее не заморачивался. У замороченных мошна-то набитая, да вот незадача: спят плохо, кошмарики им всё грезятся, налоговые инспектора, прокуратурщики... Нервы ни к чёрту. А я дрыхну себе без задних ног... Живут они меньше и не сказать, чтоб сильно счастливее неимущих.

РЫКОВ. Мол, гнить все одинаково будем?

САН-САНЫЧ. Вроде того...

РЫКОВ. (Замечает обновку Сан-Саныча.) Эх ты!..

САН-САНЫЧ. Ага!.. Не Манькина какашка!

РЫКОВ. Это где же ты надыбал такой... «смокинг»?

САН-САНЫЧ. Наташа подсуетилась... Хозяйка! Пацаны-то, провожатые мои, Мишка с Лёшкой, тут как тут — прям стелятся перед ней. Она им: «Подберите Сан-Санычу что-нибудь из одежды... покойного!»

РЫКОВ. (В наигранном ужасе.) Господи, твоя воля... Труп, что ль, раздевали?!

САН-САНЫЧ. Вряд ли. Они через минуту столько мужицких шмоток наташили — с десяти трупов не сдерёшь!.. Вот чё думаю, Федя: речь о мужике, который тут жил, да помер.

РЫКОВ. Понимаю... Не могла же она, в самом-то деле, без мужика так материально приподняться!

САН-САНЫЧ. А ежели... сама? Свой бизнес вертела.

РЫКОВ. Как Коко Шанель?

САН-САНЫЧ. Кто такая?

РЫКОВ. Баба такая... Великая французская мадемуазеля! Прикинь: из полного дерьма через швейную машинку вылезла и потом законодательницей моды заделалась! Про неё нынче и книги написаны, и фильмы сняты.

САН-САНЫЧ. Богатю-ю-ющая, поди, стала?

26.

РЫКОВ. Не то слово!.. Но таких баб единицы, которые сами, без мужиков...

САН-САНЫЧ. Да и Наташка-ть у меня одна-единственная!

РЫКОВ. (Медленно поворачивая голову на Сан-Саныча.) У тебя?!.. Собственничек новоявленный — гляди на него!.. Ты сайгачь, да не задыхайся. Она МЕНЯ любила!

САН-САНЫЧ. Так всегда бывает... Любила, мож, и тебя, а два новых костюмчика — хе-хе-хе! - кому достались?.. Как, идёт мне очередная обновочка?

РЫКОВ. Лучше, чем было.

САН-САНЫЧ. Только, кажись, тон не совсем мой. К цвету лица не подходит.

РЫКОВ. (Безудержно хохочет.) Мало того, что претендует на лицо, так ещё и на цвет его!..

Сань, с тобой хорошо в блокадном Ленинграде: жрать нечего, но хоть с тоски не помрёшь... В мозг не лезет: нахлобучиваются радикальные перемены в жизни, чёрт-те знает что произойдёт в следующую минуту!.. А он... Может, на таких, как ты, Россия держится, а?

САН-САНЫЧ. Без вас, магнатов, обойтись ещё можно... Не было таких при советский власти и....

РЫКОВ. Были-были... И в то время миллионеры имелись. Правда, подпольные, конечно.

САН-САНЫЧ. Но прожить без них — легче лёгкого. А ты вот проживи-ка без слесарей!.. В говняшках захлебнёсси!.. К слову, о-о-ой, Федя!.. Как тебе сортир-то здешний?

РЫКОВ. Отпад! Производство искусства!

САН-САНЫЧ. Аж в себя не могу придти!.. Я как унитаза-то увидел — сразу и расхотел: жаль эдакую красоту поганить! Такой сосуд не для облегчения держать, а для показу! Для гордости!.. Ему одному цена, поди, как всей моей коммуналке!

РЫКОВ. Как десятку твоих коммуналок!.. Огонёчки сбоку видал?

САН-САНЫЧ. Ага. Там и огонёчки, и кнопки всякие...

РЫКОВ. Настройка. Сядешь на такой унитазик — он тебе и температуру тела сообщит, и про давление всё расскажет, и всю подноготную-матушку про тебя выдаст — на что рассчитывать, а от чего воздержаться... Да на всех языках мира!

САН-САНЫЧ. За такие деньги — ещё бы! Ни доктора, ни браки не нужны!.. Унитаз тебе и друг, и супруг, и весь ближний круг... Жаль, он ещё сам не кормит, а то б... прям не отходя от кассы... Из него получил — в него и возверни!.. Во удобство-то!.. А краники видал?

РЫКОВ. Мне, если честно, не до сантехники, Саня...

САН-САНЫЧ. А мне всегда до неё! Сколько уж я этой техники в руках подержал, сколько поставил, поменял... Но таких краников не то что во сне не видал, а и не предполагал, что это

вообще возможно!.. Федя!

РЫКОВ. Чего?

САН-САНЫЧ. Они, похоже, того... Золотые!

РЫКОВ. Да хоть платиновые... Золотая болванка, говорят, не умнее деревянной. Артист наш где?

САН-САНЫЧ. Кириллыч-то?.. По лестнице пошёл, на второй этаж.

РЫКОВ. Зачем?

САН-САНЫЧ. Испросил у Натальи разрешения дом осмотреть.

РЫКОВ. Ты сам это слышал?

27.

САН-САНЫЧ. Всё при мне было.

РЫКОВ. Она разрешила?

САН-САНЫЧ. Говорит, милости прошу — ознакомляйтесь.

РЫКОВ. Вот видишь — он умный человек!

САН-САНЫЧ. О-о, это уж было сразу заявлено!

РЫКОВ. А мы с тобою — дурни — сидим тут да звездим не по делу про не нашу сантехнику!.. Кой чёрт она нам сдалась?!.. Клаус разнохивает окружающую обстановку.

САН-САНЫЧ. А она на кой сдалась?

РЫКОВ. Да мало ли что!.. Большущий дом!.. Что он из себя представляет?

САН-САНЫЧ. Чужую собственность.

РЫКОВ. А вдруг бежать удастся?

САН-САНЫЧ. Ты собрался бежать от... Наташки?

РЫКОВ. А у тебя какие планы?

САН-САНЫЧ. Пока никаких. Сегодняшний мой день лучше вчерашнего.

РЫКОВ. Чем же?

САН-САНЫЧ. Бухлом. Закуской. Да хоть бы... костюмами! Там — ни одного. А тут уже... два. И, чует моё сердце, это не предел!

РЫКОВ. Слесарь философствует... Артист любопытствует...

САН-САНЫЧ. А помнишь про любопытную Варвару?

РЫКОВ. Лишние знания никакой Варваре не помешают.

САН-САНЫЧ. Ей на базаре-то... нос оторвали!

РЫКОВ. Нос не главный орган.

САН-САНЫЧ. Но и его жалко!

РЫКОВ. Мы окунулись в прошлое — бывает. Но надо выныривать, а то захлебнёмся. Пусть пока всё чин-чинарём, в лирическом ключе... Но рано или поздно, выбираться отсюда, всё-таки, придётся. Ты согласен со мной?

САН-САНЫЧ. Не совсем. Кто-то выйдет, а кто-то... нет. Иль не усёк хозяйские намерения?

РЫКОВ. Ты что, Саня?!.. Собираешься смириться с бреднями нашей.., этой..?!

САН-САНЫЧ. Гляди- ка чего — даже названия для неё не подберёшь, потому что его нет вообще. Никакая она не наша, а только... сама своя! Она «стрекоза», а мы... «мандовошки».

РЫКОВ. И что, её «стрекозиность» даёт ей право на насилие?!

САН-САНЫЧ. Права-то нет. Но есть деньги. Поэтому есть и возможности...

РЫКОВ. Возможности для чего?

САН-САНЫЧ. Например, для мести. Ты не думаешь, что она может быть на нас обижена? Если бы не мы с тобой, её жизнь могла бы...

РЫКОВ. Что тебе известно о её жизни?.. Да и мне тоже... Мы знали тогдашнюю девушку. А нынешняя бабушка для нас — тёмный лес.

САН-САНЫЧ. Мне лично нравится. Ба-а-аушки-ть — они тоже не все на одно лицо...

РЫКОВ. На один карман...

САН-САНЫЧ. А карман для ба-а-аушки уж поважнее лица будет!.. (После паузы.) Она ведь симпатичная была до ужаса... 28.

РЫКОВ. Согласен.

САН-САНЫЧ. Можно даже сказать, красивая... Не звезда, но было в ней чё-т такое-эдакое!..

РЫКОВ. Что-то с чем-то, без чего-то, для кого-то...

САН-САНЫЧ. Когда мы вдвоём прогуливались, ей вслед все оборачивались — и мужики, и бабы. Я однажды приревновал, а она мне: «О чём это говорит, если на меня оборачиваются?.. О качестве девушки, которая идёт рядом с тобой. Гордись!» Стройленькая, лёгкая, что козочка!

РЫКОВ. Чего ж на аборт погнал... «козочку»? Чтоб стройной осталась?

САН-САНЫЧ. Не отправлял. Просто сказал, мол, не нужен нам этот ребёнок.

РЫКОВ. Вот видишь — нам!.. Сам за неё всё решил и объявил свою волю. Вопиющая жестокость!

САН-САНЫЧ. Жениться мне было ещё рановато: совсем сопля зелёная — дело ли?

РЫКОВ. И это называется, «не отправлял»?! А что ты сделал? Просто не оставил девчонке выбора!

САН-САНЫЧ. А как мне надо было ответить ей?.. Рожай, дескать, сама для себя?!

РЫКОВ. Так было бы человечнее.

САН-САНЫЧ. Да что ты! Человечнее по отношению к кому — к ней иль к малышу?!

Оставайся, Натка, с дитём да живи советской матерью-одиночкой! Общество развитого социализма не оставит тебя своим вниманием! Поможем всем миром!.. Потом, глядишь, и мужа те подберём... из на хрен никому не нужных.

РЫКОВ. Чего юродствуешь?!

САН-САНЫЧ. А чего наезжаешь?! Чем ты, если разобраться, лучше меня?!

РЫКОВ. Я любил её! Любил по-настоящему!

САН-САНЫЧ. Тогда почему бросил?

РЫКОВ. Ты слышал из её уст — почему... Да и не бросал я. Она сама. Дескать, не могу рожать — не нужна тебе такая жена. Потом всю жизнь будешь винить меня, что отцом не стал... Всё всегда решала и делала сама. А теперь ещё и большими деньгами ворочает! Куда ни сунься — везде инициатива мадам Натали! Она — безраздельная хозяйка положения! «Царица Неферцыца»! Да ещё в паре с этой... Надин.

САН-САНЫЧ. Не-е, не любил ты её, Федюня... Бабу, что рожать не может, в старину называли «кубышкой»... Но это ж не значит, что такую полюбить нельзя! Если б ты действительно любил, то сам предложил бы усыновить мальчонку иль девчущку.

РЫКОВ. Это в те-то времена?! Это при моей-то маме?!

САН-САЕЫЧ. Ма-а-аменькин сыно-о-очек!.. Вот кем являлся. Это сейчас ты... глава компании, хоть и бывший. Но, видать, не всегда твоя уверенность в себе так брызгала... Говорил о любви. А что ж это за любящий парень, который на мамкину-то юбку ссылается?! Любящие на своём настаивают, хватают тех, кого любят, и бегут с ними на край света, где свобода! Вот это, я понимаю, проявление любви!

РЫКОВ. Ты не знал мою покойную маму!..

САН-САНЫЧ. И царствия ей небесного, и друг дружке-ть мы с ней без надобности... Ясно одно, Федя: так не ведёт себя тот, кто любит. Да и просто настоящий мужик. С большой башки на здоровую не клади! И не ори на меня!.. Моя глотка хоть и малясь пропита, но силу имеет! Уж тебя-то переору! 29.

РЫКОВ. Ну и ори шибче — мож, полиция услышит да прибежит!! А нам того и надобно.

САН-САНЫЧ. Ну и ору — больше ничё не осталось!! Помогай мне!!

РЫКОВ. Ну и ору!!

САН-САНЫЧ. Ну и ори!!

РЫКОВ. Да-а-а !!!

САН-САНЫЧ. Да-а-а !!!

Это могло продолжаться ещё долго, но... опять ВЫСТРЕЛ! Мадам Натали сама въезжает на своём кресле и навязчиво приближается к перевозбуждённым мужчинам.

НАТАЛИ. Второй предупредительный!!.. Ну и чего вы опять сцепились?!

РЫКОВ. Мадам, Вам потолок-то не жалко?.. Он ведь краси-ивый...

САН-САНЫЧ. Сортир лучше!.. Там уж стрелять никак нельзя.

НАТАЛИ. А я всё за свой счёт делаю — и стреляю, и потолки с сортирами ремонтирую... В этой жизни, Шурик, рассчитывать можно только на себя... Что вы делите?! Вам плохо у меня, гости мои?

РЫКОВ. Арестанты натуральные! Заложники!

САН-САНЫЧ. (Натали.) Это он ерохтится... Всё шукает позапрошлогоднего снежку.

РЫКОВ. Может быть, я отстал от жизни, но, по-моему, в гости не направляются, будучи насильно засунутыми в чужую машину! И глаза гостю не завязывают!..

САН-САНЫЧ. Зато потом, когда развязали, - житуха-то... пожирнее оказалась! Выходит, не сам взгляд важен, Федюня, а то, что перед глазами! Урвал шмать — вот и охраняй его.

РЫКОВ. Эх, пока не забыл!.. Где мой охранник?! Что с ним?

НАТАЛИ. Он уже по пути домой, в Россию. На нём ни царапинки, а в кармане — пачка купюр.

РЫКОВ. Плата за молчание?

НАТАЛИ. Думаю, служака рад этой плате... Мне сообщили: он согласился на такой исход при гарантиях, что с его работодателем ничего дурного не случится. Говорил, мол, если в новостях вскорости объявят о пропаже Рыкова, то я молчать не стану... Радуйся — порядочный парень!

РЫКОВ. Хороши ж гарантии!.. Слова не знакомых ему людей.

НАТАЛИ. Но они пока соблюдают, согласись... Пойми, Фёдор, никак по-иному я эту проблему решить не могла.

РЫКОВ. Особой проблемы не вижу... Жила б себе да жила спокойно. И мы б оставили тебя в прошлом. Нет же, - начала действовать посредством изуверства!

САН-САНЫЧ. Изуверств ты не видал... Жертвой концлагеря не был.

НАТАЛИ. Федя, не сгущай краски. Ситуацию можно было подстроить лишь под тебя.

РЫКОВ. Под меня?

НАТАЛИ. А под кого же ещё?.. Исходя из твоей поездки во Францию и возникла вся идея. Мои агенты сообщили, что ты едешь туристом в Париж.

РЫКОВ. Твои... агенты?

НАТАЛИ. А что ты удивляешься?.. Я достаточно давно слежу за всеми вами с 30. помощью профессиональных детективов. Такой каприз мне нынче по карману.

САН-САНЫЧ. А зачем следишь, Наташ?

НАТАЛИ. Вы — единственное, что связывает меня с родиной... Не скрою, чем старше я становилась, тем сильнее хотела видеть людей из прошлого. А как собрать вас в один момент? Только пойдя на хитрость...

РЫКОВ. Я сгущаю краски, Наташа, а ты всё время их умягчаешь... в свою пользу. Ты пошла на откровенное преступление. Причём, три раза.

НАТАЛИ. Будь по-твоему... На три преступления! Вот такая я отважная женщина!.. Шурке много не надо. Подпой чуток — и вези его, хорошенького, куда хочешь.

САН-САНЫЧ. У меня загранпаспорта сроду не было.

НАТАЛИ. Ты думаешь, это большое препятствие?.. Ха-ха!

САН-САНЫЧ. Да уж, если денежки есть...

НАТАЛИ. Есть, Шурочка, есть.

САН-САНЫЧ. А поделись!

НАТАЛИ. Это обсудим чуть позже. (Рыкову.) Поэтому, Феденька, всё нужно было выстраивать под твой маршрут, ибо по своему желанию ты бы в незнакомый дом вряд ли, модно выражаясь, тусанулся. Я хорошо помнила твой характер: в гости ходить не очень-то любил и к себе не больно-то звал. Мамашин дух не располагал к тёплым душевным компаниям.

РЫКОВ. Сейчас я понимаю, что она мне многое сломала...

НАТАЛИ. Сейчас ты нефтедержатель.

РЫКОВ. Экс- .

НАТАЛИ. Неважно.

РЫКОВ. Нет уж, пардон, мадам, это ах как важно!

САН-САНЫЧ. Но уж не слесарь!

НАТАЛИ. Вот именно.

САН-САНЫЧ. А что с артистом?

НАТАЛИ. Артисту...

И только в этот момент все замечают Клауса, который уже давненько вошёл и тихо стоял в сторонке.

КЛАУС. Артисту понравился Ваш дом, мадам.

НАТАЛИ. В самом деле?.. Я рада.

КЛАУС. Позвольте полюбопытствовать, где же Ваша кормчая-направляющая?

НАТАЛИ. Надин? Она... кое-чем занята, но скоро присоединится к нам... Вы обратили на неё внимание?

КЛАУС. Очень трудно было бы не обратить внимания на ту, которая так театрально общалась с нами — сначала в стиле «аудио», а потом и «видео»... И в таком масштабном строении ей, разумеется, есть чем заняться.

НАТАЛИ. Почти в каждой европейской столице у меня есть свой дом. Например, в Риме он совсем маленький — всего одиннадцать комнат, но такой уютненький! Я просто обожаю его!.. А вот лондонское имение... Впрочем, это не очень интересно, да?

31.

КЛАУС. Много домов и комнат в них... А Вы, считай, одна. Вам, должно быть, очень одиноко. Именно поэтому одного из нас Вы собираетесь оставить подле себя в качестве куколки-побрякушки?.. Прямо холодом веет... Так и тянет отыскать грудку ледяных осколков, сесть и выкладывать слово «ВЕЧНОСТЬ».

САН-САНЫЧ. Да, мясо здесь долго не протухнет... Но я хорошо вмазал и не мёрзну. С моей стороны, Наташ, претензий пока по нулям.

НАТАЛИ. Вы меня возносите, Королевский. Для Снежной Королевы я стара.

РЫКОВ. А она не имеет возраста, у Андерсена он не указан. У неё две основные характеристики: холодная и одинокая. Потому несчастная.

НАТАЛИ. Но обладающая великой силой!

РЫКОВ. А в финале — побеждена. И разве, Наташа, ты поступаешь так от силы своей? Это поступки слабости. И если бы не деньги, ничего не было бы реализовано. Ничего.

КЛАУС. (Неожиданным и ловким движением непонятно откуда достаёт кинжал, забегает за

кресло Натали и приставляет холодное оружие к её горлу.) Тихо, мадам! Спокойно! Если хотите жить, не вздумайте кричать, а тем паче стрелять... Ву компрене?

НАТАЛИ. (С хрипом.) Компрене, компрене...

КЛАУС. Дайте-ка сюда Ваш пистолетик! Живо!

НАТАЛИ. (Послушно отдаёт ему то, что он просит.) Ей-богу, для Вас это не существенное приобретение.

КЛАУС. Но всё-таки!..

РЫКОВ. Мои поздравления, Клаус! Это поступок, достойный настоящего бойца!

САН-САНЫЧ. Достойный... дурака. Смешной поступок.

КЛАУС. (Направляет револьвер на Натали.) Мадам, пора бы Вам ответить на пару наших вопросов!.. Глядеть противно! Мы, трое мужиков, не можем справиться с одной бабёнкой! Позорище!

САН-САНЫЧ. Ишь ты!.. Артист попроще стал: сперва-то всё «дамы» да «мамамы», а теперь по-нашенски - «бабёнки»... У этой бабёнки в доме хватает мужиков! И все моложе, сильнее нас.

НАТАЛИ. (Глядя на кинжал в руке Клауса.) Он не боевой.

КЛАУС. Кто?.. Это я не боевой?! Плохо ж Вы меня...

НАТАЛИ. Не кто, а что. Кинжал, который Вы стащили со стены в Изумрудном зале.

Игрушка. Живую плоть им не проткнёшь. Да и не та у Вас природа, чтоб отважиться на такое.

КЛАУС. (Потрясая револьвером.) Зато у меня есть кое-что посолиднее!

НАТАЛИ. Сам-то он есть... Но вот пуль в нём больше нет. Были две последние... Опустите дуло, Королевский, Вы же не спектакль играете. Унизительно направлять на жертву незаряженное оружие. Тем более, на женщину.

Клаус с видом побеждённого отдаёт в руки Натали и кинжал, и револьвер.

САН-САНЫЧ. (Клаусу, приватно.) Кириллыч, агрессия к добру не приводит — заметно на примере Наполеона и Гитлера.

РЫКОВ. Таких примеров много.

НАТАЛИ. (Срываясь на слёзы.) Сама виновата... На текущий момент агрессия, 32. это, прежде всего, - я! Ничего-то путного из моей игры не получается. Мне вообще нельзя играть, даже в карты, в «дурака». В день моего шестнадцатилетия цыганка взяла мою ладонь и сказала: «Удачи в игре тебе никогда не видать. Игра — это не для тебя, детка!»

САН-САНЫЧ. Ну.., в игре не везло — в любви своё взяла. Вон — дворец какой! Да не один! Не сама ж строила!

НАТАЛИ. Дурак ты, Саня! Дурак поролоновый!.. О-о-очень я в любви взяла! Просто гору неподъёмную!.. Хватит. Наигралась. (Клаусу.) Кричать и звать охрану я не буду. Просто позвоню с мирными целями, можно?

РЫКОВ. Как, с твоей стороны уже... просьбы? Ты оказалась по другую сторону прилавка?

КЛАУС. Делайте что хотите.

НАТАЛИ. Спасибо. Вы очень великодушны. (Набирает номер на сотовом и говорит по нему.) Если гости захотят покинуть дом, препятствий не чинить. Свободный выход — свободный вход. (Заканчивает разговор.) Никого не задерживаю, господа. И простите меня, дуру. Худого я не хотела, но... результаты — они ведь важнее намерений.

САН-САНЫЧ. Чё, нам можно... уё..?

РЫКОВ. На все четыре?..

НАТАЛИ. Куда угодно.

КЛАУС. Неожданная развязочка...

РЫКОВ. Ни фиги себе!.. А что ж мы тут будем делать, на чужбине?!

САН-САНЫЧ. А завалим куда-нибудь... в бордель!! Напляшемся, начумимся, мамзелек помацаем!.. Наташ, оплати уж нам такое удовольствие!

НАТАЛИ. Да легко... Максимально скоро будут приняты меры по доставке вас в Россию. А пока же... мой дом — полностью в вашем распоряжении. Выходите, заходите, ешьте, пейте, спите... Но хоть немного сжальтесь надо мной! У меня больше нет сил нести свою вину...

Прощайте! (Разворачивает своё кресло и направляет его к двери.)

РЫКОВ. (Бежит к Натали и насильно разворачивает её кресло обратно.) Не-е-ет уж, Наташенька, так не пойдё-ё-ёт!

НАТАЛИ. (Сопротивляясь.) Пусти меня!

КЛАУС. Отпустите инвалида!

САН-САНЫЧ. И то правда, Федь! Зачем...

РЫКОВ. Хренушки!.. Она нас не отпускала и весьма долго.

НАТАЛИ. Пусти, сказала!.. Охрану позову!.. Денег дам! Сколько хочешь? Мильон?!.. Только дай мне удалиться.

РЫКОВ. Твоя «дрезина» не сломается. Уедешь в своё время.

НАТАЛИ. Оно уже настало.

РЫКОВ. Это тебе так захотелось. Но позволь кому-то с тобой не согласиться... Ущербное зрелище, мадам Натали! Не имеющее должного развития, не говоря уж о логической точке. Значит, парочку раз пальнула, разок всплакнула — и на этом всё? Когда я парочку раз в моей жизни затевал опасные игры, мне не удавалось так легко отделаться!

НАТАЛИ. Что тебе надо?

33.

РЫКОВ. Информации маловато. Мы не успели насладиться общением с тобой, хотя его инициатором была именно ты. Так что уж... продолжим.

КЛАУС. Фёдор Остапыч, она оставила нас в покое. Давайте ответим ей взаимностью.

НАТАЛИ. Отстань от старой больной женщины, Федя. У меня ничего нет, если... денег не считать. У тебя, по крайней мере, есть жена, дочь, зять...

РЫКОВ. Да, правильно... Есть, есть! Перечисление можно продолжить — у меня много чего есть в социальном плане. Но ты когда-нибудь сталкивалась с парадоксальным явлением под названием «что есть, что нету»?.. И вы все? Сталкивались? О-о, это чрезвычайно любопытное, хотя и беспокойное явление. Такое ощущение, что день и ночь существуешь в какой-то... фикации, в виртуалке, в мираже, который и реальностью не балует, и рассыпаться не спешит. Казалось бы, у тебя дома всё в наличии: и жена красивая, и дочка подросток... Но, в то же время, их как бы реально не существует. Знаете, почему? А потому что они тебя как живого человека... не воспринимают. Их воображение волнует лишь то, что ты, будучи де-юре главой семьи, доставляешь им — приносишь, приволакиваешь... И всё поведение домашних напрямую зависит от количества и качества твоей добычи — никак иначе... Я женился на женщине, которую, в общем-то, не любил. Да и она меня тоже. Никогда, ни единого раза (!) по отношению друг к другу из наших уст не звучали слова любви. Просто всё было как-то... подогнано под бытовое удобство, что ли. И, что самое главное, моя неприступная мамочка сказала своё «да»! Когда мы отправились в загс, будущая супруга уже была в интересном положении, так что семейка оперативно укомплектовывалась... Но меня никогда не радовал семейный дом. Ни одного дня. А почему? Не было в нём самого основного и ценного — ЛЮБВИ! Чистота, покой, хороший вкус, неизменно растущий достаток — всё это - пожалуйста!.. Но любви не было. Женатые друзья рассказывали мне, как им дороги родные окна, которые нежно и приветливо светятся вечерней порой! Идёшь с работы, глядишь на эти окошки — и сердце радуется: тебя там ждут, накормят вкусным

ужином, споят тебе самые сладкие песенки, потому что...любят! Я тоже приближался к дому после рабочего дня, тоже видел эти окна. Но ловил себя на том, что... не хочу идти домой! Не желаю!! А куда направляется мужчина, которого не привлекает семейный очаг? Однозначно, «налево»: к шлюхам, в шинки-наливайки, начинает спиваться... Или с головой уходит в трудовоголизм, работа становится для него наркотиком. Мне повезло — я выбрал вторую дорогу... Нет! Она (!) выбрала меня. Появились осязаемые плоды. Честное слово, генеральными директорами нефтяных компаний просто так не становятся. А я стал. И только лишь на работе своей был я пусть не всеми любимым, но по-настоящему уважаемым шефом!! А дома... я — касса. Сейф. Бездонная бочка, из которой можно только брать и брать. Меня десятилетиями просто... потребляли. Я устал. Я состарился. Больше не хочу. Не могу. Не в состоянии. Слава богу, хватило разума и мужества оставить компанию самому, не дожидаясь, пока меня, старую галошу, выпрут. Пусть мой зятьёк теперь верховодит, если не развалит всё дело... Я спокойно наблюдал за его скачками к моей дочери. И видел всю эту ложь... Вроде, всё как надо: звоночки, ухаживания, поездочки... Но глаза его — пустые. Стеклашки. Ничего не выражали... Хотя губы улыбались, выверенные слова произносили... Высокий, красивый парень! Что 34. ж ты вдруг прилип к... уродинке? Да, она моя ребёнок, я не могу не любить её, но при этом оцениваю трезво. Страхомордина. Ещё и глупая. Хорошо хоть добрая... Неужели, родименький, при твоих-то данных получше не нашёл?! А всё дело в том, что, будучи красавчиком, ты... голожопенький! Безлошадный и бестележный женишок. Родом из района, где кроме столетней хибары твоей прабабушки ловить нечего. Вот и полетела Иванушкина стрела в болото. Квакушка обнаружилась. Да только целуй не целуй — в девицу-красавицу она и через сто лет не превратится. Вот оно — враньё жизненное... А я словно тоскливое кино смотрю, но поделаться ничего не могу: не мной оно снято... Меня поразила жена, которая изрекла неожиданную голую правду: «Не лезь к ним, Фёдор. Пусть хотя бы твои деньги дадут нашей дочери возможность обнять-понюхать качественного самца.»... А в душе — пустота хуже зелёной тоски. Но они как сестрички-подружки — всегда вместе ходят.

САН-САНЫЧ. Ну-у., говоря слесарным языком, Федя, твои трубы наглухо прорвало-о-о!
КЛАУС. Ещё один богатый, но несчастный.

САН-САНЫЧ. А мы вот с тобой... бедные и несчастные. Не лучше ль быть богатым, пусть и несчастным?

НАТАЛИ. Федь, а что ж у тебя внуков нет? Почему Алина не рожала?

РЫКОВ. Тебе даже имена известны?

НАТАЛИ. Известно если не всё, то многое.

РЫКОВ. А зачем рожать? Это «лишние напряги», как она говорит. Привыкла к беспроблемному существованию.

НАТАЛИ. Знаешь, отчего у тебя фактически нет жены и дочери? Потому что у них не было мужа и отца. Был семейный добытчик, неутомимый труженик...

РЫКОВ. Безотказный робот!

НАТАЛИ. Даже до такой степени...

РЫКОВ. Но больше этому не бывать!

НАТАЛИ. Самые совершенные роботы рано или поздно выходят из строя — перегорают... Ты искал и ждал любви. А сам её дарил?... Любовь нужна далеко не всем, а только тем, кто на неё изначально способен. Многие живут лишь по химии, по физиологии и ведать не ведают про какие-то там нежные чувства... Но если ищешь любви, попробуй-ка для начала сам кому-то посвятить своё чувство, пусть оно и не окажется взаимным... Твоя фраза - «я женился на женщине, которую не любил» - всё объясняет. И что же ты после этого хочешь, Федя, под финал жизни?

РЫКОВ. Уже ничего. Всё кончено.

САН-САНЫЧ. Фёдор Остапыч!.. Если можно, не надо про кончины!.. Я только-только, можно сказать, жить захотел...

КЛАУС. Ещё бы! Пару новых костюмчиков-то надо потаскать!

САН-САНЫЧ. А тебе, Кириллыч, двадцать «штук» евро потратить! Чё, скажешь, не хочешь пожить?!..

НАТАЛИ. Всё материальное имеет свой конец. Вечно только... время. Лишь оно, неугомное, не знает ни начала, ни конца...

РЫКОВ. Полезно заранее просчитывать свои часы. Тем более, когда зависишь не только от самого себя.

35.

НАТАЛИ. Да. Тик-так... Помню, ты всегда любил часы.

РЫКОВ. И теперь люблю. Они успокаивают.

НАТАЛИ. Нынешним днём часовщики-производители тревогу бьют и терпят страшные убытки: при засилии сотовых телефонов часики становятся невостребованными.

РЫКОВ. Ерунда. Хорошие часы всегда ценятся... Но только хорошие!

НАТАЛИ. Ну, если ты действительно так считаешь, думаю, мой подарок тебе понравится.

Прими от чистого сердца! (Достаёт карманные часы на цепочке и протягивает Рыкову.)

РЫКОВ. Ой!.. Карманные часы — моя страсть! Это мне?!.. Это что, золото?

НАТАЛИ. Они имеют большую ценность не только из-за чистого золота и бриллиантов. Это антиквариат — вторая половина восемнадцатого века. Не потеряй их, пожалуйста. И гляди, чтоб не спёрли!

РЫКОВ. Не могу подобрать слов...

НАТАЛИ. И не надо. Тем более, что слова благодарности уже почти не проникают в моё сердце, хотя приятно их слышать.

КЛАУС. Мадам проявляет... монаршую щедрость! К чему бы это?

САН-САНЫЧ. А ну, подбьём циферки... Один, значит, двадцать тыщ урвал... И не «деревянных»! Второму золотые с брюликами часики в усладу затикали - притом, антикварные!.. Мне же, лоху подзаборному, пока двумя костюмчиками довольствоваться, один из которых ещё и хуже другого... Оби-и-идели!.. Эх, бабы, бабы! Кого любят — тому и золотишко дарят!

НАТАЛИ. Саня, о какой любви ты говоришь?..

КЛУС. Пожалуй, речь о любви к прошлому. Прошрое, порой, вызывает большую и светлую любовь... Помню, в настоящем кое-что не очень радовало меня. Ну есть и есть. Без этого вполне можно было обойтись... А потом, когда что-то улетучилось, не сразу, через определённое время, вдруг стало дорогим и желанным. Но уже в памяти.

САН-САНЫЧ. Считаешь, вспоминать о чём-то — эт лучше, чем... иметь?!.. Давай, я сдёрну у тя всё бабло, а ты будешь вспоминать о нём!.. Да с трепетом в душе!.. А чё — и тебе хорошо, и мне.

НАТАЛИ. Смотри какое прошрое!.. Иной раз, одно лишь забвение — это единственное спасение от кошмарного, нечеловеческого прошлого! И хочешь забыть, а не получается!.. А как вспомнишь — такая адская боль пронизывает всё тело, что не вздохнуть!.. Была у тебя такая боль, Саня?

САН-САНЫЧ. Ну.., когда кипятком ошпарился... Э-эх, помню...

НАТАЛИ. Да разве я о физической боли спросила?

КЛАУС. У меня было такое. Когда предавали.

РЫКОВ. И я припоминаю. Давно-давно. Когда потерял ту, которую непременно должен был сохранить.

НАТАЛИ. И я унесла ошмёток такой боли с нашей последней встречи с тобой, Федя.

Оправиться мне помогло, как ни странно, чувство благой морали: я не лгала любимому человеку, не водила его за нос, всю правду ему выложила. Горькую правду. Он отверг меня. Вернее, не столько он, сколько... его матушка. Но от этого не легче. А надо было жить дальше! И не просто жить, а на что-то надеяться: 36. без проблеска надежды человек превращается в примитивную субстанцию... Помог случай. Хотя слово «помог» здесь вряд ли уместно.

САН-САНЫЧ. Ты разбогатела быстро?

НАТАЛИ. О-о!.. До богатства было ещё космически далеко!.. Театр заключил меня в свои объятия и не выпускал. Я безгранично благодарна ему за это.

КЛАУС. Я тоже.

НАТАЛИ. Ещё бы, Клаус! Но Вы-то были в театре не где-нибудь, а на сцене! Я же довольствовалась запахами театральных костюмов и париков. Но не жалею. Всё было изумительно! Мня любили и уважали. А гастроли!.. Одно это слово чего стоило! Перед самым выездом на гастроли и администрация, и артисты, и весь обслуживающий персонал становились какими-то перевозбуждёнными, но все конфликты куда-то улетучивались, никто не ругался. Гастроли — это новизна, перемена кипучая!.. Перемена всего — места, ощущений, даже ценностей.

Перемены так необходимы в молодости! Они не дают чахнуть, наполняют сердце новыми надеждами, правда ведь?..

КЛАУС. Не бередите мне душу, мадам... Всё это ушло и больше не вернётся.

НАТАЛИ. И вот, я попала... в Париж — самой не верилось! Вы представляете, что значила такая поездка для тогдашней советской пигалицы?! Это было вообще вне всяких прогнозов!

КЛАУС. Уж повезло — так повезло!..

НАТАЛИ. Провокационный подарок Фортуны!.. Рудик Нуриев блистал! Даже слишком. И на сцене, и в кулисах, и вне театра. В том, по всей вероятности, и был его просчёт:

существовавшая система не терпела перехлёстов! Лучше было сделать «недо», чем «пере». Великий танцовщик перехлестнул изрядно и был просто вынужден попросить во Франции политического убежища, иначе на Родине его элементарно уничтожили бы... Ему удалось, он благополучно остался. Помните, какая была шумиха? Советские газеты просто дали осуждающую оценку, а дальнейшие события тщательно замалчивали, зато уж европейские трубили во все трубы! Как же — Нуриев, звезда советского балета, стал невозвращенцем!..

РЫКОВ. Ты говоришь об этом так трепетно, эмоционально!.. Можно подумать, одевальщица имела отношение к звезде.

НАТАЛИ. Представляешь, имела!.. Хоть и косвенное. Почти никто не знал, что Кировский театр лишился в Париже не только танцовщика Рудольфа Нуриева, но и... доверчивой дурочки-одевальщицы Наташки Воронцовой. Но она-то кому интересна? Пропала и пропала. Словно, вообще не было.

САН-САНЫЧ. Ты чё, тоже... осталась?!

НАТАЛИ. Ага. Вернее будет сказать, меня оставили. Девчонка попала в шальную компанию, где её... жестоко изнасиловали и до полусмерти избили.

САН-САНЫЧ. Кто такие?!

РЫКОВ. Что за подонки?!

НАТАЛИ. Господи, какое это имеет значение теперь?.. Да не помню я. И не то что не помню, а вообще не знаю. Перед Богом всем всё давно простила.

РЫКОВ. А всё ли можно простить?

НАТАЛИ. Простить — это проще... Не простишь — твоим обидчикам хуже-то не станет, а вот собственная душа будет нескончаемо терзаться. Будешь 37. медленно убивать сам себя... Вот я и простила. Потому что надеялась ещё пожить.

КЛАУС. То есть, фактически, Вы остались в Париже не по своей воле?

НАТАЛИ. Совершенно против своей воли... Вас интересует, что было дальше? Ничего хорошего сообщить не могу. Одно словосочетание все эти годы режет мне слух — земной ад. Оно ломает всё моё существо. Никому не пожелаю соприкоснуться с этим!

РЫКОВ. Что же это?

САН-САНЫЧ. Нат, коль уж совсем тяжко, мож, ну его на хрен — рассказывать-то?

КЛАУС. Вообще-то, интересно... Но не тот ли это случай, когда прошлое лучше оставить в покое?

РЫКОВ. Да, Наташ, смотри уж сама...

НАТАЛИ. Чего уж теперь?.. Должна же я как-то удовлетворить ваше любопытство, на которое вы вполне имеете право... Приходилось ли вам соприкоснуться с понятием сексуального рабства?.. Вижу, что нет. Слышать, конечно, слышали, но слава богу, что сия чаша вас минула. А мне вот... пришлось хлебнуть из неё. Два года я не ощущала себя человеком, женщиной, личностью. Целых два года! Словно армейский срок отбухала!.. Ладно бы ещё, доведись мне изначально родиться с рабской психологией — было б не так тяжко. Но я ведь была... советской девушкой, взращённой в атмосфере якобы свободы!..

Ужас! Кошмар, которому нет названия! Меня дарили, продавали и перепродавали...

САН-САНЫЧ. Значит, качественный товар был!.. Нет, я не хотел хамить...

КЛАУС. Хотел польстить?

НАТАЛИ. У него получилось. Да, спрос на меня был... Били, потому что я не раз пыталась бежать, меня привозили в богатые дома со связанными руками и с кляпом во рту...

Демонстрировали заморскую диковинку - «мадемуазель зовьетик», невольницу из Советского Союза... Имелись девчонки не хуже меня, даже лучше, но главный мой козырь — происхождение! Я ж одна такая была... Нет сил! Больно! Не могу я вспоминать чудовищные картины эти!.. А сальные морды состоятельных мерзавцев, которые меня пользовали, теперь сливаются в какую-то... динозавроподобную пасть, преследующую меня в ночных видениях!.. Уж сколько лет прошло, а сны всё никуда не деваются — яркие, цветные, ослепляющие и оглушающие своей жестокостью... И забыть те события никогда не смогу: такое не забывается... Но однажды я.., всё-таки,сбежала! Каким-то чудом. Подходящий случай всегда рано или поздно предоставляется. Главное, не упустить его. И я не упустила!

САН-САНЫЧ. Как же ты исхитрилась?

НАТАЛИ. Долго выказывала покорность, усыпила бдительность да... вылезла в окно. Второй этаж — не высоко... Бежала по ночным улицам и... пила воздух! Да-да, не вдыхала его, а именно пила! И сама не верила в то, что мне... удалось!!.. Знаете, вот где только я потом ни зарабатывала кусок хлеба, в какие передряги и замужества ни попадала, усвоила непреложную истину: лучше быть полуголодной, но... свободной! СВОБОДНОЙ! Прежде всего, от грязи, от жизненной мерзости, от того, что отвратительно!!..На панель я не вышла.

РЫКОВ. Духу не хватило?

НАТАЛИ. Элементарно боялась. А вдруг меня там узнают, выловят и вообще 38. убьют?!

Куда податься? В монастырь?

КЛАУС. А в Советское посольство?

НАТАЛИ. Не хотела и не могла. Я была уже совсем иной — разбитой, раздавленной, внутренне грязной. Разве такой место в самом счастливом государстве на Земле? Возвращаться не мыслила ни в какую... Кидаться к Нуриеву? Смешно. Он — звезда, а я кто? Ни документов, ни знания языка — ничего нет!.. Одна оболочка. Меня в полном смысле слова подобрал и спас один «голубой» парнишка русского происхождения. Незамысловато, но сытно кормил, заставил оперативно учить французский... Он — пожалуй, единственный «полумужчина», который по-настоящему заботился обо мне!

КЛАУС. А муж?

НАТАЛИ. Который?

КЛАУС. Тот, чьим наследством Вы теперь распоряжаетесь.

НАТАЛИ. Он любил меня... своими деньгами. Щедро, спокойно... Но это было много позже. А тогда я считала за господне откровение, когда через пень-колоду устроилась в больницу сиделкой. Это было моё первое рабочее место в солнечной Франции.

РЫКОВ. Благородно!

НАТАЛИ. И выбора не было. А позднее... и хлеб я пекла, и полы мыла, и, как Мерилин Монро, газировкой торговала, и, наконец-то, удостоилась завидной части официантки в дешёвом кафе... Если будете слушать полную историю всех моих мытарств, успеете оголодать и зачахнуть. Под финал выдержки и сил судьба вознаградила меня богачом месье Жераром Круани, безутешной вдовой которого я теперь являюсь.

РЫКОВ. Круани?.. Это пирожные, мороженое, кексы, торты — кондитерский бизнес?

НАТАЛИ. Бизнес?!.. Оскорбительно... Получается, что ты королевскую кобру назвал червячком. Круани — это целая империя! Один журналист назвал нас... государством! Твоя нефтяная компания «Злата», Феденька, рядом с «Круани» - это... сор в углу просторного двора.

РЫКОВ. Спасибо.

НАТАЛИ. Не обижайся, но я правду сказала.

САН-САНЫЧ. А слуг-то полно! Они, похоже, все по-нашему обучены.

НАТАЛИ. Да, я окружила себя русскими слугами — русских в Париже предостаточно. Но друзей, я имею в виду настоящих, у меня нет. Одна только... Надин. Но это уже просто родной человек. Я мечтала... о вас! Материальные возможности позволили мне разработать хитроумный план вашего путешествия во Францию. Но не так я себе всё это представляла... Не так.

САН-САНЫЧ. Наташ, а чего ты... не ходишь?

НАТАЛИ. Как поздно прозвучал этот вопрос...

РЫКОВ. Самый «деликатный» из нас приборёг его на финал.

НАТАЛИ. Дело не во мне, а в этом кресле! Оно принадлежало моему покойному мужу, помогало ему передвигаться в последнее время его жизни. И Надин всегда была рядом. Став состоятельной дамой, я сразу же прислала Наде приглашение — она приехала и осталась с нами... Так вот, когда Жерара не стало, я почему-то 39. начала всё чаще садиться в его кресло. Что мне это давало?

КЛАУС. Наверное, ощущение власти?.. Театральное. Под задним местом — своеобразный трон.

РЫКОВ. Или ты просто хотела задержать пребывание мужа в этом доме... Любила его?

НАТАЛИ. Уже было сказано, что кроме тебя я ни в кого не влюблялась.

САН-САНЫЧ. Чё вы пристали?!.. Сидит себе хозяйка в кресле — и сидит на здоровье. Дом огромный — на колёсиках по нему передвигаться сподручнее. А вам вот обязательно надо аж до самой сердцевинки-матушки долезть!.. Я прав, Наташ?

НАТАЛИ. Пожалуй.

КЛАУС. Вам нравилась царственная статичность: она успокаивала и как бы облагораживала... Кресло! Вы стремились сделать его заменителем человека, который... пригрел Вас.

НАТАЛИ. Откуда Вы всё знаете?

КЛАУС. Я артист. А эти Ваши ощущения- из разряда сценических.

НАТАЛИ. Но сценическое действие непродолжительно. Саня, Федя, дайте-ка мне ваши руки! (С помощью рук Сан-Саньча и Рыкова встаёт из кресла.)

РЫКОВ. Ты... здорова?!

НАТАЛИ. А ты рад или разочарован?

КЛАУС. Я лично рад.

САН-САНЫЧ. А мне как-то... всё равно.

НАТАЛИ. Тебе так наплевать на меня?

САН-САНЫЧ. Ну, ты ж не меня любила. И не меня золотыми часиками осчастливила... Вот пусть он и ликует.

НАТАЛИ. Как хорошо размяться после долгой неподвижности!.. Я словно скинула четверть века!

САН-САНЫЧ. Мож, станцуешь?

НАТАЛИ. Могу... Но после того, как определюсь — кого же из вас... навсегда оставить здесь.

КЛАУС. А это неизбежно?

НАТАЛИ. Если исходить из моего каприза, то да.

КЛАУС. Представим, что этот кто-то не согласится с Вашим капризом. Каковы будут дальнейшие события?

САН-САНЫЧ. Действительно. Силком, что ль, удержишь?! Под замок посадишь?!

НАТАЛИ. В том-то и вся изюминка... Постараюсь сделать так, чтобы этот кто-то... сам захотел остаться. Игра ещё не окончена, время есть.

РЫКОВ. Наташа, не сочти меня дотошным, но уже не впервые я слышу о твоих материальных возможностях. Ты сделала мне такой дорогой подарок!..

НАТАЛИ. И что?

РЫКОВ. Насколько они, эти возможности,..

НАТАЛИ. Что конкретно тебя интересует? Размер состояния вдовы Жерара Круани?

РЫКОВ. Если я не слишком любопытен.

КЛАУС. Похоже, слишком.

САН-САНЫЧ. Ага. Это же... кан..., конфиденциальная информация!

РЫКОВ. (Не веря своим ушам.) Си-и-илушка небе-е-есная! Это где ж ты 40. вычитал-выслушал-высмотрел такое сложню-ю-ющее словосочетание?! Да ещё и запомнил!

САН-САНЫЧ. Вот оно как!.. Похоже, не тот интеллект золотыми часиками наградили!

НАТАЛИ. Нужны цифры?.. Приближается к пятидесяти.

САН-САНЫЧ. К пятидесяти... чего?

РЫКОВ. Нехило! Пятьдесят миллионов евро, да?! Это уж не то что повезло! Какая-то... манна небесная!

НАТАЛИ. Наташа Воронцова благодарна тебе. А вот вдова Круани обижена: она стоит почти пятьдесят... м и л л и а р д о в евро!

Общее состояние ошарашенности рассеивает Сан-Саныч, который бойко усаживается в освободившееся кресло Натали.

САН-САНЫЧ. Знаешь, Натуль, я б остался тут, с тобой!.. А чё? Мне в Подмосковье мёдом-то не помазано... Одну комнатку выделишь для меня? Или две. Три — уже много.

КЛАУС. Инициатива наказуема.

РЫКОВ. Вот именно!.. Безумие прогрессирует!!.. Каков нахал, а?! Ты, вообще, как ведёшь себя в доме... уважаемой гражданки Франции?! Она тебе что — подмосковная шалава?!

(Нагибает спинку кресла вперёд и вытряхивает из него

Сан-Саныча.)

САН-САНЫЧ. Э-э, потише! Полегче! Я, можно сказать, Наташин... жизненный первоисточник — за мной и первое слово!

РЫКОВ. Первоисточник!.. Ручеёк ты наш... алкогольный!.. (Сам основательно садится в кресло.) А в качестве кого, не сочти за назойливость, ты вознамерился тут поселиться? С тобой же вдвоём из дому выйти — экологически опасно: от стыда голуби с крыш попадают!

САН-САНЫЧ. Ничё, сполоснусь, припудрюсь...

РЫКОВ. В Сене воды не хватит, а в магазинах — пудры, ханурик!!

САН-САНЫЧ. Ты опя-я-ять?!

РЫКОВ. И не прекращу! Тебя надо поставить на место раз и навсегда!

САН-САНЫЧ. А ты вон — на своём ли месте?! Узурпатор!!

РЫКОВ. А ты — месье ханурик!! Латрыга «совковый»!!

САН-САНЫЧ. А ты — узурпатор!!

НАТАЛИ. (Демонстрируя револьвер.) Эх, жаль, пальнуть нечем!.. Вам не лень?

КЛАУС. Утомили уже и окружающих, и самих себя.

РЫКОВ. Наташа, дело в том, что начался несерьёзный смехотворный разговор. Если уж речь о том, что кто-то должен тебя поддержать в нашем... уважаемом возрасте, то этот кто-то просто обязан быть поприличнее, чем этот.., этот..

САН-САНЫЧ. Не смей оскорблять российского подданного!

РЫКОВ. Чем этот... подмосковный слесарь.

НАТАЛИ. А это уж мне решать: каприз-то ведь мой. Кроме того, я могу вообще отменить его. Двери до сих пор не заперты.

САН-САНЫЧ. И давай-ка, Федь, освобождай не своё кресло!.. Я чуток 41. понежился в нём, потом — ты. Пора и совесть знать.

НАТАША. Я не в претензии, пускай сидит.

РЫКОВ. Кресло я освобожу. (Встаёт из кресла.) Оно действительно не моё.

НАТАЛИ. (Всё это время глядя на Клауса.) Клаус Кириллович, Вы нынче — пример галантности и такта.

КЛАУС. (С большим достоинством медленно подходит к креслу Натали и усаживается в него.) Что такое?.. Внимание мадам обращено в мою сторону?

НАТАЛИ. Вы заслужили сюрприз! Большущий сюрприз!

КЛАУС. Именно я?

НАТАЛИ. Именно Вы. Ваш сюрприз — он только для Вас, и делиться ни с кем не нужно. (В сторону двери.) Надя! Надюша! Кажется, пора...

Появляется Надин — совсем другая, светящаяся, в нежных тонах.

НАДИН. Скажи, что любишь ты меня!

Солги — я всё равно поверю.

Закрылась дверь — в ладони искорка огня,

Погасшего за этой дверью.

Ты на плечо мне руку положи -

Я помню, это часто было прежде.

Хоть от твоей руки исходят нити лжи,

Но ложь — и та нуждается в надежде!

КЛАУС. Скажи, что будешь ты со мной!

Я знаю, этого не будет,

Но ты скажи, сболтни пустяк такой -

Неужто для тебя он труден?

НАДИН. И запишу я на магнитофон,
Что в голову мою вмонтирован так тонко...
Тебе легко прожить, как всем, кто не влюблѐн.
И снова... ложь записана на плѐнку.

КЛАУС. Откуда?!.. Это... мои стихи!. Очень старые.

НАДИН. Очень. А теперь — мои.

Ждала девчоночка артиста
У театральной проходной...
Он выходил не слишком быстро,
Не торопясь к себе домой:
Жены в пустой квартире нету,
Детишки разбрелись по свету,
Которые... не рождены -
На сцене лишь и явь, и сны.
Театр девочка любила!
Артист же думал, что... его!
Им вместе было очень мило,
Она желала одного:
Чтоб не забылось вдруг назавтра
Свидание после спектакля.
Ему же льстил её восторг,
Благих эмоций малый толк.
Такие встречи — ненадолго.
Среди сценических потуг
Артистом выбрана дорога,
А девочек... полно вокруг.
Но юный дух всегда неистов!
Театр тем и жив порой,
Что вечером, у проходной,
Всѐ... ждут девчоночки артистов!

42.

КЛАУС. Голос!.. Ваш голос!.. С первых его звуков я силился вспомнить...Тула?

НАДИН. Рязань.

КЛАУС. Рязанский театр... Я работал там два сезона... Нет, не могу припомнить.

НАДИН. Не удивительно. Мало ли ясноглазых девочек восторгались красавчиком Костей Кошкиным?.. Тогда ещё не было Клауса Королевского.

КЛАУС. Может, лучше бы он и не возникал?

НАДИН. Костя Кошкин — как-то ласковее, провинциальнее... Он заделался Клаусом Королевским — ярая потуга на столичность, но... в столице так и не оказался.

КЛАУС. Я ведь... не очень хороший артист, если честно.

НАДИН. А это всё... на любителя. И кто ж устанавливал эти критерии — хороший, плохой?.. То, что один в окошко выбросит, другой подберёт как великую удачу!

КЛАУС. Да, девчонок и дам было не счесть...Но далеко не каждой я читал свои стихи!

НАДИН. Я польщена. Тогда Вы должны были запомнить Надю - белокурую девушку, ежевечерне ждавшую Вас после спектакля, у театральной проходной.

КЛАУС. Это... Вы?

НАДИН. Это я.

КЛАУС. Ну вот, артист, и ты своего сюрприза дождался!

САН-САНЫЧ. Кириллыч, тебя обнесли ещё круче меня: я хоть при двух костюмчиках, однако,.. своих. А тебе — баба из прошлого, в красивом платье, но ни платьишко, ни её саму ты не примеришь...

РЫКОВ. Эх, с каким же удовольствием, Саня, я бы сейчас повесил тебе на шею золотые часы!.. Да нельзя: подарки не передаривают.

НАТАЛИ. Я уж думала, скажешь «повесил бы тебя на золотых часах»!

КЛАУС. (Полностью игнорируя посторонние колкости.) Наденька, я чем-то виноват перед Вами?

НАДИН. Что Вы, Костя! В том, как сложилась моя судьба, нет ни капельки Вашей вины. Наоборот! Просто Вы — единственный, кто что-то значил в моей жизни. Кроме Наташи. Больше мне ценить некого и нечего.

43.

КЛАУС. Я не совсем понимаю...

НАДИН. А что понимать? К примеру, Наташина жизнь полна ярчайших событий. Она по-своему ужасна. Признаю. Но есть что вспомнить: любила, работала в знаменитом театре... Похищали, насиловали, выходила замуж...

НАТАЛИ. Ой, Надюша, лучше мне было бы нечего вспоминать... Прожила б себе спокойно да сохранила бы нервы и здоровье.

НАДИН. Вряд ли это лучше... Тоскливая жизнь в виде больной мамы, зрительской любви к театру да памяти о призрачном Косте Кошкине?.. Не маловато ли? Интереснее побывать в огнях и в бурных водах: эмоции, впечатления!.. В те годы я даже не успела разобраться — любила ли артиста Кошкина.

КЛАУС. Артиста! Его Вы, наверное, любили. А человек был Вам...

НАДИН. Это я лишь теперь по полочкам раскладываю, а тогда... Можете, конечно, мне не поверить, но в моей жизни, считай, не было мужчин — мамина болезнь фактически сожрала юность и молодость. Когда мама умерла, у меня осталась лишь видимость нужности: столик в отделе кадров захудалой конторы, где я работала. Уже подумывала о самоубийстве...

НАТАЛИ. А как ты думаешь, Я о нём думала?! С моей-то судьбой!.. Не гневи бога, Наденька, он дал тебе относительный покой. Пусть и тоскливый.

НАДИН. Так или иначе, я получила твоё письмо... Господи! Древняя московская знакомая, теперь сказочно разбогатевшая, звала меня к себе, в Париж! Вот она — новая жизнь, о которой мечтать уже не приходилось!.. Всё было оформлено за две недели. Я не приехала, а прямо на крыльях прилетела, но никакой новой жизни, Костя, здесь не состоялось.

НАТАЛИ. Жалеешь?

НАДИН. Нет, что ты... Я одета, обута и не думаю о хлебе насущном.

КЛАУС. Так в чём же дело, Надя?

НАДИН. А поздно!.. Возраст уже не тот, чтобы новизна приносила видимый прок и манила перспективой... Поэтому старой деве больше ничего не осталось, как, став экономкой...

НАТАЛИ. Компаньонкой! Подругой! Родным человеком!

НАДИН. Наташа, давай уж по-русски — став приживалкой мадам Круани, полностью посвятить оставшееся жизненное время... этому дому.

НАТАЛИ. Я ведь предлагала тебе!.. Ты могла весьма достойно выйти замуж и жить полноценно.

НАДИН. «Полноценно» - то есть отжать у тебя кусок пожирнее да назваться невестой того, к кому никаких чувств не испытываешь?!.. Или займет себе молодого альфонсика да щеголять с ним на глазах у местного общества?!.. Не надо мне такой «полноценности». Не получилась личная жизнь — так не получилась. Не у всех получается — мне вот не повезло. Или

наоборот, бог уберёт меня от какого-то недостойного человека.

НАТАЛИ. Ты любишь детей! Могла бы усыновить ребёнка! Даже без мужа.

НАДИН. А что ж ты сама этого не сделала?.. Тоже ведь постоянно говоришь о малышах. До сих пор!.. Молчишь?!.. Поздно, Наташенька. И никакие денежки не повернут часовые стрелки назад... Но вдруг... возникла идея собрать вас всех вместе — двух Наташиных мужчин и одного моего, не состоявшегося! Мы 44. ухватились за неё, подключили агентуру. А теперь...

КЛАУС. Разочарованы?

САН-САНЫЧ. Лично мне очаровывать нечем. Даже в новом костюме.

РЫКОВ. Как ни крути, а вы получили совсем не то, что ожидали?

НАДИН. Да нет... У меня появилась возможность вновь соприкоснуться с теми нашими вечерами, Костя!

КЛАУС. Они для Вас так много значили?

НАДИН. Да! Да!.. Я находилась в состоянии очарованности...

КЛАУС. Мне это знакомо. Но за любым очарованием неизбежно следует... разочарование.

НАДИН. У меня не последовало. Вы просто уехали в другой город — и всё. Мы расстались абсолютно естественным образом — вот и сохранилось моё очарование.

Говорили, что Чацкий в Вашем исполнении был ужасен, бездарен, но... только не для меня! И пусть Вы уже давным-давно забыли моё имя — разве это важно? Я любила! Если не Вас самого, то замечательную атмосферу, что окутывала нас обоих. Низкий Вам за это поклон! Я, как и Наташа, соприкоснулась с театром... Несколько по-иному, на более мелком уровне, но вдохнула этот волшебный аромат!

КЛАУС. Я хочу... что-нибудь сделать для Вас.

НАДИН. Вы много сделали — приехали сюда, не побоялись. Я ещё раз увидела человека, осветившего мою юность!

САН-САНЫЧ. Все свои слова беру назад... Кириллыч, у тебя, похоже, самый большой сюрприз!

НАДИН. Никто ни на что не претендует. Мы уже в том положении, когда нужно отбросить все претензии и просто... добро творить — и словом, и делом.

Вы не согласны со мной, Костя?

КЛАУС. Довольствоваться малым — это искусство сердца... Говорят, либо даётся от рождения, либо им овладевают с годами, либо... оно не достигается никогда. Вот я не овладел им. Мне всегда было нужно много — оптом, ящиками, вагонами... Особенно это касалось чувств. Новизна в ощущениях!.. Как я стремился к ней! Чего только не перепробовал!.. Сегодня вспоминаю — я ли это был?!.. Чуть до преступлений не дошёл. А когда рассказывал о своих похождениях, люди не верили!

НАДИН. Это профессиональное!.. Актёрское!

РЫКОВ. Не сказал бы. Я точно такой же... Клаус, а Ваши аппетиты удовлетворялись?

КЛАУС. Редко. Полученная лошадиная доза, как правило, не радовала. Но теперь...

НАДИН. Теперь попробуйте насытиться крупинкой. Это несложно, поверьте. И, может быть, эта крупинка станет очень ценной для Вас.

КЛАУС. (Натали.) Мадам!..

НАТАЛИ. Раздражает!.. Давайте без «мадам». Буду откликаться на «Наташу».

КЛАУС. Наташа, Ваши двери открыты?

НАТАЛИ. Для охраны я не отменяла своего распоряжения о свободном входе и выходе.

КЛАУС. Можно мне выйти из дому?

САН-САНЫЧ. Кириллыч, ты чё, насюрпризился?! На волюшку захотел?

РЫКОВ. Пошто ж Вы нас покидаете?

НАТАЛИ. Выйти, разумеется, можно, но... куда ж Вы хотите направиться?

КЛАУС. Я совсем ненадолго. Я сейчас... Имею право на ответный сюрприз!

САН-САНЫЧ. А ты не горячиси?!.. Далеко ль ты нелёгкая-ть понесла?!

РЫКОВ. Может, захватите нас?

КЛАУС. Это лишнее. Не переживайте. Я скоро! (Поспешно удаляется.)

НАДИН. Ой, Наташа, не кончится наша канитель добром... Сколько же сегодня сказано и сделано!

НАТАЛИ. А сказано ещё не всё. (Рыкову.) Солидный господин, у тебя есть жена и дочь, если не брать во внимание зятя. Как бы ни складывались ваши отношения, твоё место рядом с ними — родными тебе людьми.

РЫКОВ. Нет!

НАТАЛИ. А как ты мыслишь своё дальнейшее существование?

РЫКОВ. Хочу жить один.

НАТАЛИ. Где?

РЫКОВ. На собственной жилплощади. В маленькой уютной квартирке или в домике...

Собачка, котик... И покой.

НАТАЛИ. Домик... во Франции?

РЫКОВ. Домик... дома.

НАТАЛИ. Можно считать, что я получила ответ на вопрос... Ты не хочешь оставаться здесь, да?

РЫКОВ. А ты планировала именно это?

НАТАЛИ. Конкретно — нет. Так ты... не останешься?

РЫКОВ. (После трудной паузы.) Не останусь.

НАТАЛИ. Тогда попробуй, ну хоть попытайся стать поближе к своим родным.

Неужели они такие уж чудовища?.. Или у них нет сердца?

РЫКОВ. Я им уже не нужен.

НАТАЛИ. Что за мысли?!.. Это ты так решил! Измени своё решение — и всё может измениться. У твоей жены уже вряд ли будет другой муж, а у дочери уж точно не будет другого отца. Есть ли грех в шаге навстречу? Обещай мне сделать его. Не молчи.

РЫКОВ. Обещаю, но...

НАТАЛИ. Что?

РЫКОВ. Сильно сомневаюсь. Чувствую, что было бы просто здорово что-то поменять на этой дороге, но... сама дорога уже разбитая, доверия не внушает. Не могу гарантировать...

НАТАЛИ. Гарантировать в наши дни не может и Всевышний... Но тебе это сближение не менее важно, чем им, а то и более... Сомневайся — это рабочий момент. Только совершай позитивные поступки! Договорились?.. Денег дать?

РЫКОВ. Я не нищий.

НАТАЛИ. Я в курсе, но считаю нужным предложить.

РЫКОВ. Надо подумать...

НАТАЛИ. Подумай. Я ведь не гоню тебя...

САН-САНЫЧ. Нат, а я долго не думаю... Чё башку-т ломать? Она, того гляди, болеть начнёт!

НАТАЛИ. Значит, хочешь остаться в Париже, Санёчек мой?

46.

САН-САНЫЧ. А чего ж не хотеть-то?.. Дома пока работаю: на российскую пенсию разве что котятка проживут, но, чую, с моим зрением и суставами недолго мне слесарничать осталось. Со смердящими говном трубами возиться остохренело...

НАТАЛИ. Захотелось французских ароматов?

САН-САНЫЧ. А почему бы нет?.. Парижик, видать, не самая вонючая помойка.

НАТАЛИ. Бежишь от обязанностей отца и деда! Некрасиво это. Тебе уж я дам денег

обязательно. Много дам - откроешь в банке счёт, будут капать солидные проценты. Но с одним условием: ты примешь активное участие в жизни своего потомства. И не пытайся увильнуть, я буду следить за тобой. Если обманешь, накажу! Что делать со своим алкоголизмом — решай сам, но я не допущу, чтобы свалившиеся на тебя деньги ускорили твой марш к могиле!

САН-САНЫЧ. За деньги спасибо. Я приму, не дюже гордый. Только не надо делать из меня бессердечную скотину. Внуков люблю. И если у меня будет, чем помочь им, помогу непременно. Но вся соль в том, что их... оторвали от меня. Дед, мол, употребляет, надежды на него никакой — нечего с ним и знаться. Таких, как я, в России полным-полно, Наташенька.

НАТАЛИ. Таких и здесь хватает, можешь мне поверить.

САН-САНЫЧ. Пить - пьём, но дело своё чётко знаем, под заборами не валяемся. А вот поганое к себе отношение всегда я болезненно воспринимаю!.. Уже отдельно живу — неужели так трудно закрыть на что-то глаза?.. Ведь я свои zenки сколько закрывал — и не сочтёшь!

НАТАЛИ. Значит, родственники твои плохие?

САН-САНЫЧ. Не святые.

НАТАЛИ. Тогда сам будь лучше!

САН-САНЫЧ. А я по натуре неплохой.

НАТАЛИ. Сделай так, чтобы люди увидели твою добрую волю по отношению к ним — то же самое, что у Фёдора! Они непременно оценят это. Но речь не только о материальной помощи с твоей стороны.

САН-САНЫЧ. Ясное дело... Буду мастерить со внуками... скворечники.

НАДИН. Это прекрасно, Сан-Саныч! Это возвышенно!

САН-САНЫЧ. Что возвышенно?

НАДИН. Скворечники!.. Они — не просто домики для птичек. Это терема мира и счастья!

САН-САНЫЧ. Я их мно-о-ого наделал!.. И ещё наделаю, помяните моё слово!

Вбегает Клаус с двумя букетами в руках.

КЛАУС. (Подходит к Натали.) Наташенька! (Вручает букет.)

НАТАЛИ. С ума сойти! Гран мерси!

КЛАУС. (Подходит к Надин.) Надюша! (Вручает букет.) У меня в кармане завалялось немного «евриков». Я так и знал, что купить в Париже цветы — это нетрудно.

НАДИН. Они здесь на каждом углу.

КЛАУС. Спасибо вам, дорогие женщины!

НАТАЛИ. Нам?

НАДИН. За что?

47.

КЛАУС. За т а к о й сюрприз! У меня улетучилось чувство невостробованности, его больше нет!.. Мне давно говорили, что чувства легко приходят и уходят. Иные — да. Но вот с невостробованностью — прямо горе! Это трагическое чувство очень долго, постепенно вваливалось в мою жизнь, и никакого сладу с ним не было. А ушло оно практически мгновенно — надо же!.. Когда под финал карьеры артист начинает захлёбываться своим одиночеством, это... ужасно. И страшно! Но... справедливо: за всё нужно расплачиваться. Просверкал в своё время, сорвал цветочки, аплодисментики — теперь изволь вкусить... забвения. И хорошо ещё, если оно окутает тебя на фоне счастливой и сытой старости, исполненного социального долга. А если ты остался один... Признаюсь, в эти дни я очень жалею, что у меня не было семьи. Женщин встречалось мно-о-ого, а вот любимую... проглядел. И только в очень зрелые годы я отыскал объяснение своему одиночеству,

прочитав такие строки: «Один остаётся лишь тот, кто сознательно или же подсознательно... ЖЕЛАЕТ остаться один». Очевидно, такой настрой блокировал встречу с той единственной, предназначенной именно мне. И она прошла мимо. А может быть, Клаус Королевский пролетел-пронёсся. В последнее время я начал представлять себе, как буду умирать. Беспомощно, противно, жалко... Дал соседям дубликаты ключей от квартиры: а вдруг моё тело долго останется бесхозным и не похороненным, когда я угасну? Да и пёсика моего нужно будет пристроить... Но в данный момент все эти безрадостные мысли куда-то умчались. На душе светло. Радостно. У меня уже нет театра, но есть... женщины!

НАДИН. Костя, они же у вас всегда были!

КЛАУС. Это совсем иное. Былое... Были и нету. А вы — в настоящем! И в руках у вас — настоящие цветы. Боже ты мой, ведь если я ещё могу дарить женщинам цветы, значит... жизнь продолжается! К чему ощущать себя ничтожеством? Жить хочу!.. Что, поздно, да? Ничего, за одно это ощущение можно многое отдать! Восхитительно!.. Я хочу на сцену! Понимаю, что уже не выйду на неё, но...

хочу! Во мне просто кипит желание! Далеко не все желания реализуются, но они непременно должны возникать! Я ощущаю себя на двадцать лет! И пусть это ощущение продлится совсем недолго, я упьюсь им допьяна!.. Смешно выгляжу? Смейтесь! Хохочите надо мной! Вы — мои благодарные зрители! И сегодня у меня... последний спектакль.

НАТАЛИ. Вы сами так определили?

КЛАУС. Внутри меня именно такие ощущения. Ярко! Жизнерадостно! Без каких-либо сожалений... И... в последний раз.

НАТАЛИ. А если не в последний?

КЛАУС. Кто-то желает продолжения?

НАТАЛИ. Заказывает! И оплачивает!..Надя, вот кто останется здесь навсегда!

НАДИН. Ты что?!

НАТАЛИ. Это наилучшее решение. Константин Кошкин, как Вам такая перспектива?.. Заметьте, я предлагаю это не Клаусу, а именно... Косте.

КЛАУС. Что?.. Мне остаться в Париже?!

НАТАЛИ. У слесаря и «кесаря» - свои «хвостики» в России, им надлежит вернуться туда. Вас же, напротив, ничто там не держит.

НАДИН. Здесь есть русские театральные площадки, Костя! Вы снова будете 48. сцене! Я обещаю!

НАТАЛИ. Да я просто куплю Вам это. Постановки будут такие, каких захотите именно Вы. Пробуйте сниматься в кино, выходите на эстраду — да что угодно!

НАДИН. Вас ждут роли... благородных отцов, дедушек...

КЛАУС. Не хочу.

НАДИН. Не хотите в театр?!.. Вы же сами говорили, что...

КЛАУС. Я не хочу... дедушек.

САН-САНЫЧ. Ну, за всё ж забашляют — вот и требуй себе... Д,Артаньяна!

КЛАУС. Надя, Вы предлагаете мне сцену или... себя?

НАДИН. Подобная наглость мне не свойственна. Наташа предложила...

НАТАЛИ. Достойное оформление преклонных лет, если угодно. Лучшего выбора, Костя, Вам не сделать. Но у меня будет одна просьба. Пожалуйста, женитесь на Наде.

НАДИН. Наташа!!

НАТАЛИ. Да. Бракосочетание должно быть официальным! Мы закажем такую свадьбу, о которой вся Европа будет судачить! Весь мир!..

САН-САНЫЧ. Ой-ёй-ёй!!.. Вот уж сюрприз — так сюрприз-и-изище!

РЫКОВ. И это первый раз, когда я с тобой согласен, слесарь!

САН-САНЫЧ. За какие-то полминуточки и «кесарь», и слесарь — оба в канализации!..
НАТАЛИ. Ты никогда не была замужем, Надя, Константин не был женат. Супружеская постель уже не рассматривается, но...

КЛАУС. Зря-зря Вы меня так унижаете, мадам!

НАДИН. Забота друг о друге — вот что сейчас необычайно важно...

КЛАУС. Я не могу дать ответ сразу... Я огорошен, поймите. Мне нужно хоть немного времени для раздумий...

НАТАЛИ. О чём же тут думать?

КЛАУС. О пёсике... Его Гримом зовут. Сейчас добрая соседка за ним смотрит, выгуливает его. Я сам обязан заняться дальнейшей судьбой животного: кобелёчек ещё молодой!

САН-САНЫЧ. А ты просто швырни доброй соседке-ть добрый «кусочек» - и она по-доброму займётся всей дальнейшей судьбой молодого-ть кобелёчка! Оба аж распухнут от доброты и голодными не останутся.

НАТАЛИ. Сан-Саныч! Твои фразы порой излишне просты, но часто бывают кстати. (Звонит по сотовому телефону.) Столовая готова принять гостей?.. Отлично! Сейчас будем!

(Заканчивает разговор.) Нас ждёт стол. А пока, Саня, наполняй-ка пять фужеров добрым французским вином!

САН-САНЫЧ. Вот это — всегда пожалуйста! Когда угодно, сколько угодно!.. (Разливает вино и даёт каждому по фужеру.)

НАДИН. Спасибо, Наташа! Я... ну никак не ожидала...

НАТАЛИ. Плачешь? Дай хоть взгляну — никогда не видела твоих слёз.

НАДИН. Ну, как?

НАТАЛИ. Тебе это не идёт. Даже слёзы радости... Улыбайся!

РЫКОВ. Не думайте, мне тоже радостно. По-своему.

КЛАУС. Чему же радуетесь Вы? 49.

РЫКОВ. Вам. Себе. Этому дню. Глотку вина.

САН-САНЫЧ. Золотым часикам...

РЫКОВ. Тебе бабла гарантировали! Много!.. Ты ж не радоваться, а прям скакать должен по всему Парижу!

НАТАЛИ. А уж я как радуюсь!.. Больше всех! Проживёшь всю жизнь и задашься вопросом: что же было самым ценным для тебя? Ответ однозначен — ЛЮДИ! Твои современники — те, кто разделил с тобой радостные и горестные дни. Эти люди любили тебя, ненавидели, причиняли боль, дарили цветы... Потом вдруг... уходили безвременно. А вы — пришли! Добрались в позднюю пору, оживили мой унылый дом своими взглядами, лишёнными лжи!.. Как же я вас люблю! Люди — самое великое достояние! Бесценные вы мои... С О К Р О В И
Щ А !!!

Пятеро пожилых людей высоко поднимают бокалы, пьют прекрасное вино, готовясь встретить завтрашний день. И у каждого он будет свой...

ДМИТРИЕВ, ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ. 2015 год.
Авторские права защищены.
«Билайн» - 8-96-03-40-03-96.
dmitriew999@mail.ru

